

Жания
Аубакирова

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ...

НА ВОЛНЕ ПОДЪЕМА

Наша консерватория, сотрудничающая с более чем пятью десятками консерваторий и музыкальных организаций из разных стран, стала узнаваемой в мире. В начале международной концертной деятельности было нелегко. Нужно было предпринять немало организационных усилий, чтобы доказать достаточность профессионального уровня наших студентов для выступления на известных концертных площадках. Сегодня ситуация изменилась. Благодаря успешным концертам по всему миру, множеству видео- и аудиоматериалов наших концертов в Интернете, благодаря рекламе консерватории через наших иностранных друзей мы стали получать все больше и больше приглашений участвовать во всемирно известных фестивалях, выступать в концертах с самыми звездными именами классического музыкального мира.

Постепенно у меня сформировалась привычка вести записи о самом важном – а это в основном результаты педагогического труда, моих усилий по профессиональному воспитанию консерваторских «деток»! По большому счету, я не ожидала такой быстрой реакции от студентов – но они оказались скоростными! Последние десять-пятнадцать лет наших триумфальных концертов в стране и за рубежом стали годами абсолютного и осознанного счастья для меня и наших педагогов!

«А ТЫ НА КАКОМ ИНСТРУМЕНТЕ ИГРАЕШЬ?»

В концертной поездке по Германии в 2008 году мне предстояло играть труднейший 2-й фортепианный концерт И. Брамса в четырех городах. Сопровождавшие меня друзья были свидетелями, какую нагрузку я должна была выдерживать, будучи ответственной также за самочувствие и качество игры студентов симфонического оркестра из ста человек, с которыми я и должна была его исполнить. Кроме этого концерта, в программе была «Весна священная» И. Стравинского, одно из самых сложных произведений мирового репертуара. Организаторы фестиваля «Young Euro Classic», в котором мы участвовали уже второй раз, поставили

наше выступление, как уже имевших ранее большой успех, на символическую дату 08.08.2008, то есть восьмого августа, день открытия Пекинской олимпиады и, как мы позже узнали, трагических событий в отношениях между Грузией и Россией. Мы очень волновались, думая, что в этот день все будут смотреть трансляцию Олимпиады, а концерт особого внимания не заслужит... Был полный аншлаг в зале вместимостью 3500 мест, а 200 человек не смогли попасть на концерт из-за отсутствия билетов и мест в зале. Мы получили множество рецензий в самых главных немецких газетах. Дети были счастливы своим абсолютно взрослым успехом в серьезной без скидок программе, приемом зрителей в знаменитом Концертном зале Берлина («Konzerthaus»), в зале имперского стиля, в котором проходят самые важные политические и культурные мероприятия Германии.

Друзья пережили немалый стресс от моих рассказов о том, какая невероятно трудная программа нам предстоит, как я волнуюсь за «деток» и свое выступление, какая публика заполнила огромный зал! Накануне концерта на репетиции студенты совсем слабенько играли, и я, конечно же, делилась своими переживаниями. Все мои близкие также знали о тяжелом моменте жизни: ведь только два месяца назад ушел из жизни наш любимый отец. Немецкие друзья приехали в Берлин, чтобы выразить соболезнование и поддержать меня в ответственной ситуации, понимая, что всё вместе так непросто выдержать... Семидесятилетний Питер Апель неожиданно сказал, что дух моего отца будет сегодня в зале, чтобы дать нам силы... Любому человеку, независимо от происхождения, знакомо это - ожидать и получить незримую поддержку от дорогих и близких, ушедших в мир иной. Конечно, я не смогла сдержать чувств...

Подруги, не на шутку разволновавшись, были по-настоящему напуганы предстоящим культурным испытанием! Но... каков был триумф! Во время выступления группы «Туран» зрители с таким особенным вниманием вслушивались и вглядывались в молодых музыкантов, что у нас было чувство, будто они вот-вот выпадут с балконов второго яруса! Как блестяще справились с огромной и насыщенной программой наши замечательные студенты! Расскажи мне кто несколько лет назад о таком, я бы никогда не поверила, настолько это было фантастично! Мои болельщицы в конце вечера не сдержали слез радости и потрясения, увидев реакцию уважаемых, серьезных немцев на выступление молоденьких музыкантов. Никто из нас не ожидал оглушительных аплодисментов грандиозного зала, свидетельствующих об огромном успехе! Немецкие друзья были правы – отец помогал нам с высоты иного мира...

На следующий день после самого ответственного концерта, который к тому же снимался полностью немецкой съёмочной группой, слегка расслабившись после честно выполненной работы, мы поехали на двух огромных автобусах в турне по Германии. Нам предстояли увлекательные экскурсии, репетиции, прекрасные концертные залы, встречи с интересными людьми. В микроавтобусе мы с друзьями и посольскими работниками вспоминали прошедшее событие, обсуждая и оценивая детали.

Перед поездкой Тамара Муфтаховна Джусубалиева, директор Института репродуктивной медицины и самая главная в нашей делегации, сообщала своим знакомым с самым серьезным лицом, что у нее концертное турне по Германии. Еще в аэропорту Алматы она взяла на себя ответственность за дополнительный

контроль над студентами, относясь к ним так же, как и я, – как к детям. Она периодически громким и властным голосом вопрошала: «Ты на каком курсе? А ты на чем играешь?» «Поразительно! – делилась она со мной. – Такие простые ребята, видно, что не городские, некоторые совсем старомодно подстрижены, а на таких изысканных и сложных инструментах играют!» Так она постоянно переспрашивала весь состав, чтобы еще и узнать всю многообразную палитру инструментов симфонического оркестра, многие из которых совсем не известны неискушенному любителю. В очередную переключку студентов Тамара Муфтаховна спрашивает у одного молодого человека: «Ты на каком инструменте играешь?» – «Я не играю на инструменте». «А что ты здесь делаешь?», – со свойственной ей командной интонацией спрашивает она. «Я дипломат, сотрудник посольства!» – сконфуженно отвечает ей молодой человек...

Вот так, с множеством юмористических ситуаций, с профессиональными разговорами, историями из жизни, встречами с европейскими друзьями и партнерами проводили мы с подругами абсолютно незабываемое время.

Наши студенты видели, какие сильные, самодостаточные, успешные, с большим жизненным опытом подруги окружают их ректора; как сотрудники посольств всех стран помогают им и воспринимают концерты молодежного коллектива, как очень важную и серьезную часть своей работы. Так, в течение многих лет росло и шлифовалось профессиональное и артистическое мастерство, воспитывался патриотизм молодых музыкантов, гордость за страну, за свои успехи не на словах, а в самых настоящих, приближенных к «боевым» условиях!

АМЕРИКАНСКИЕ ГАСТРОЛИ

Не могу не рассказать о самом масштабном турне студенческого симфонического оркестра консерватории в США. Все началось с идеи молодого немецкого дирижера Яна Морица Онкена, который сотрудничал с нами в течение двух лет в рамках образовательной программы DAAD. Все было бы ничего: сотрудничество поначалу было очень интересным, наша молодежь получила новые профессиональные импульсы, мы выступили с несколькими концертами в Казахстане и Германии. По инициативе Яна стали планировать гастроли в США, тем более что, по его рассказам, нами заинтересовалось крупнейшее в мире агентство «IMG Artists», до которых дошла информация о нашей активности, о многолетних гастрольных проектах. Найти спонсоров, по его убеждению, можно было легко как с немецкой, так и с нашей стороны.

Но со временем всё пошло не так, как представлялось; студенты разочаровались в дирижере, все чаще стали возникать конфликтные ситуации... К обоюдному сожалению, я вынуждена была завершить контракт с нашим партнером. И что же теперь делать? Организационные работы по американскому проекту уже начались, мы перечислили первоначальные средства по контракту с агентством. Ни о каких немецких спонсорах уже речь не шла, вся финансовая часть легла на мои плечи. Это был самый сложный и дорогой проект за все время работы. Откуда мне было заранее знать, что в Америке все почти в десять раз дороже, чем в Европе?! По известному принципу Парето организационная работа в любом проекте занимает 80 % усилий и только 20 % – творческая, хотя должно быть наоборот. В середине проекта, попав в финансовую кабалу к организаторам, я

написала им письмо о том, чтобы остановить проект и вернуть наши деньги – настолько тяжело он двигался. Но это было уже невозможно! В конце концов, благодаря поддержке государства и спонсоров (каждая сторона предоставила 50 % бюджета, составившего в целом 750 000 долларов США), удалось выполнить все финансовые обязательства. Итак, студенты готовятся с воодушевлением: надо покорить Американский континент! Предстоят выступления в пяти штатах, в крупнейших залах, в том числе в Карнеги-холле в Нью-Йорке и Кеннеди-центре в Вашингтоне... Упорство и амбиции (все-таки самое знаменитое агентство, его артисты – сплошь мировые звезды) в итоге позволили совершить это небываемое путешествие!

Когда сошли с трапа самолета на южном побережье Штатов и встали все сто человек огромной толпой на площади перед аэропортом, мелькнула мысль: «Я с ума сошла! Это же чьи-то дети, чьи-то родные! Я же прежде всего отвечаю за их безопасность. Зачем я это делаю?!» Меня охватила страшная паника. Но за многие годы уже были отработаны внутренние процессы, алгоритмы действий: проректоры, менеджеры, руководители коллективов четко знали свои обязанности, так же хорошо, как знают их студенты во время зарубежных и казахстанских гастролей...

В общем, началось наше турне в теплом ноябрьском Лос-Анджелесе, потом переместились на автобусах в прекрасный Сан-Франциско, перелетели на север, в Бостон, выступив в зале знаменитого MIT (Массачусетского технологического института), и наконец – Нью-Йорк и Вашингтон. Дети играли везде просто потрясающе! Им ни перелеты, ни напряженный график, ни перемена времени и мест – ничто не помешало проявить себя с лучшей стороны. Они поразили мировую продюсерскую компанию не только профессиональными качествами, мастерством и артистизмом, но и несвойственной большинству оркестров, как молодежных, так и взрослых, дисциплиной: ни разу не опоздали к сборам, не нарушили режим, не сломали мебель и посуду в отелях... А я, измученная организацией этого сложного турне, ответственностью за молодежь, потерявшая энергию, привычное воодушевленное состояние, играла свою сольную партию с оркестром как робот, на полнейшем автомате...

Съемочная группа, сопровождавшая нас во время турне, сделала фильм, оставив для истории этот потрясающий проект! В нем совсем не видно трудностей, а только поражают вдохновенные лица студентов, красивые американские пейзажи, знаменитые залы, восторженные высказывания зрителей, оглушительные овации в финалах всех концертов. А это значит, что усилия не пропали даром!

Про наше турне написали «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», и это в то время, когда для мировых и тем более региональных СМИ культурные события перестали быть информационным поводом! Ну и для наших организаторов эти позитивные публикации также стали неожиданностью...

Тем не менее я дала себе слово забыть навсегда о гастролях коллективов на Американский континент!

После этих концертов, насытившись поездками в Европу и США, мы решили сосредоточиться на новых странах и концертных площадках. В 2012 году покорили Москву и Санкт-Петербург, выступив с солистами и двумя оркестрами (народным и симфоническим). Концерты состоялись через 28 лет после последнего выступления

консерватории имени Курмангазы на этих российских сценах в далеком 1984 году. Следующими странами, которые были запланированы для гастролей и представления современного уровня студентов, стали Китай и Южная Корея. Пекин, Шанхай, Гонконг, Макао, Сеул, Дэгу, Иордания, Ливан и Дели – это только те концерты, где я принимала участие за последние два года. Студенты и педагоги, отдельные солисты и небольшие ансамбли гастролировали постоянно по приглашению различных дипломатических, международных культурных организаций, национальных компаний, министерств и акиматов! Не знаю других консерваторий, чьи большие студенческие коллективы в течение всего периода обучения столько бы гастролировали в лучших залах планеты. Мы не жалели сил и времени, чтобы показать их всему миру. Государство и спонсоры дали нам эту уникальную возможность.

АЙТЫС ОРКЕСТРОВ

2011 год. Это было что-то! Мы пережили грандиозный успех, но не на привычном уровне нашего консерваторского зала на пятьсот мест и слушателей, которых мы уже приручили, как бы «приписали» к нашим концертам за последние десять-пятнадцать лет. Это был успех уже на уровне страны, потому что наш концерт смогли посмотреть зрители Астаны и Алматы в самых главных залах и еще сотни тысяч телезрителей, а в соцсетях стали бесконечно повторять фрагменты с восторженными комментариями...

А как все начиналось? Все началось с Ермека Бектасовича Шинарбаева, знаменитого кинорежиссера, нашего многолетнего партнера по музыкальным проектам. Именно его идея, ключевая идея концерта, заключалась в том, что должна быть не просто концертная программа, а осмысленный и оригинальный видеоряд. Красота инструментов, демонстрация парадов роялей, потом скрипок, виолончелей, контрабасов, блеска духовых, магии народных инструментов, красоты хорового пения, величия оркестров... Нашей задачей было придумать музыкальный, точнее, звуковой ряд для этого видеоизображения, сделать «режиссуру звука», а не просто обычную последовательность номеров.

Все было новым. Начали с композиций на пяти роялях, которые еще надо было транспортировать в залы! Специально заказали новое произведение для такого состава нашему студенту – композитору Арману Жайыму, дополнительно сделали аранжировку «Танца с саблями» Арама Хачатуряна. И пошло-поехало! Пианисты за пятью роялями продолжили выступать, аккомпанируя армии струнников; струнники после своего виртуозного номера, где были задействованы скрипачи, альтысты, виолончелисты и контрабасисты, взяли эстафету аккомпанемента для пяти солистов-вокалистов. Для широкой публики старались выбирать самые популярные хиты нашего времени; естественно, певцы исполняли итальянские песни... Не снижая темпа, пританцовывая, на сцену выбежали исполнители на духовых инструментах – состав из пятидесяти музыкантов. Это тоже было новинкой: если в мире такое давно практиковалось, то наши студенты стали двигаться во время игры постепенно, осваивая свободу не только профессиональную, но и психологическую! Подобного в залах Казахстана прежде нельзя было увидеть: «духовики» редко выступали соло – обычно только в составе духовых оркестров, в основном на уличных площадках и в парадных маршах.

Много неожиданного тогда было придумано. Руководители коллективов, а

это совсем недавние наши студенты, а теперь молодые педагоги, последние годы получили свободу в выборе репертуара и формы подачи выступлений. Благодаря Интернету мировые культурные события стали доступны в любой точке, так что неудивительно, что такие впечатления дали толчок творчеству. Где-то подражая, где-то получая творческий импульс и дополнительную энергию, наши студенты поверили в себя, в свой потенциал, а мы старались направить их поиск в профессионально качественном направлении.

Конечно, все произошло не в одночасье. Где-то с 2004 года ежегодно мы организовывали академические концерты в стране и мире. Первые попытки выйти за пределы строгого академизма для представления более демократического, более популярного репертуара мы начали с 2009 года на концерте в честь 65-летия консерватории. И с тех пор появилась уверенность, а главное, потребность делать оригинальные шоу-программы из хитов классической и народной музыки, поскольку публика и время этого требовали. Правда, по прошествии некоторого времени, видя, как музыкальная общественность реагирует на наши проекты, как в разных городах и коллективах пытаются повторять наши задумки, некоторым из участников концертов захотелось приписать творческие заслуги лично себе. По крайней мере, мы стали периодически слышать об этом. Один из музыкантов в своей биографии так и написал: он – автор идеи айтыса оркестров! Можно понять: иногда так сильно хочется славы, а фактов не хватает! Поэтому мне важно подчеркнуть: несмотря на то что утверждение окончательного варианта концертов было моей персональной ответственностью, так же как и сведение организационных и материально-технических моментов в единое русло, творческая составляющая была коллективной – 7-10 человек из команды могли предлагать свои идеи и принимать решения, поскольку все стремились к единому яркому результату.

Форматы были бесконечно разнообразными. Одной из смелых идей было сделать на большой сцене соревнование двух оркестров с произведениями классической и казахской народной музыки. Я предложила оркестрам поменяться репертуарами, чтобы не быть привязанными к определенному стилю. Ничего не получилось, потому что казахский репертуар не был адаптирован к симфоническому оркестру, а народникам местами не хватало адекватного тембрового звучания. Тогда пошли дальше. Исполнять произведения целиком было нецелесообразно – решили наиболее подходящие эпизоды соединять с учетом специфики звучания оркестров. Мы работали очень творчески – композиторы, дирижеры, педагоги, студенты, чтобы добиться идеального соотношения двух оркестров, чтобы подготовить оригинальные аранжировки!

Конечно, сильнейший эффект произвел видеоконтент, который не был подготовлен заранее (кроме титров исполнителей и произведений). Очень крупным планом демонстрировались в реальном времени вдохновенные лица, руки исполнителей, детали инструментов, жизнь оркестра на удаленных планах – то есть то, что зрителям очень редко удастся увидеть... Экран был настолько крупным, что автоматически все изображение становилось гигантским; появились даже опасения, что это изображение психологически может «задавить» живое действие на сцене. Но опасения оказались напрасны: экран многократно усилил впечатление, создавая новую виртуальную реальность...

Бессознательно, но, видимо, неслучайно захотелось добиться равнозначного по мощи, энергии и красоте звучания казахских народных и мировых классических

хитов. По реакции публики стало понятно, что мы сумели достичь желаемого результата, и даже больше, чем ожидали! Зал действительно разделился на поклонников казахской музыки и на меломанов-классиков, которые в конце представления объединились в едином порыве восторга!

Аплодисменты, крики, эмоциональный подъем и энергетика зала зашкаливали как на концертах рок-групп, но качество этой энергии было очень высокого позитивного градуса! После первого концерта в Астане аудитория в 3500 человек уже надев верхнюю одежду (это был декабрь), в течение часа не расходилась, возбужденная силой музыки и яркими впечатлениями! Очевидцы рассказывали, что расположенные в районе Центрального концертного зала «Казахстан» кафе, рестораны, бары были заняты публикой, посетившей наш концерт. Сколько мы получили восторженных откликов – не счесть; были и от тех, кто сам не присутствовал на концерте, но их знакомые делились своими рассказами о незабываемом событии!

После заслуженного успеха нас пригласили на следующий год выступить в рамках Года культуры в Алматы, через некоторое время – в программе очередного Астанинского экономического форума. Аким Алматы А. С. Есимов, посетивший наш концерт и воодушевленный оригинальным контентом и формой подачи, специально пригласил Нурсултана Абишевича в Алматы, и мы в третий раз повторили для Президента и алматинцев так полюбившуюся всем программу...

С ЛЕГЕНДАРНОЙ МАРТОЙ АРГЕРИХ

Одним из уникальных впечатлений стало участие в «Progetto Martha Argerich», международном музыкальном фестивале, который ежегодно проходит в городе Лугано в Швейцарии. Фестиваль находится под патронажем одной из самых легендарных пианисток мира Марты Аргерих. На этот фестиваль нас пригла-

силы, услышав о солидных и уже многолетних достижениях ярких педагогов и студентов Казахской национальной консерватории имени Курмангазы, а также предложили мне выступить в дуэте с Мартой Аргерих. Музыкальный мир знает это удивительное имя, и мы все с особым чувством готовились к этим встречам. Все участники трио «Andare», а также фортепианный квартет консерватории, который впервые исполнил оригинальные аранжировки пианистки Гульжан Узенбаевой для двух роялей известных казахских и русских композиторов, были потрясены тем, как реагировала «небожительница» Марта, находясь за кулисами и после каждого выступления пожимая руки исполнителям! А наших четырех звездных домбристов факультета народной музыки, исполнителей на кыл-кобызе и на аккордеоне принимали такими оглушительными аплодисментами, что было понятно: такого фантастического исполнения они никогда не слышали! Цель была достигнута: познакомить публику, фанатов классики, с потрясающими образцами и красотой казахской традиционной музыки.

И я осуществила свою мечту – увидела живую легенду пианизма Марту Аргерих, кумира нескольких поколений музыкантов, которая оказалась в жизни очень милой, доброжелательной, нежной и хрупкой женщиной, но при этом невероятно преображающейся во время выступлений. На сцене она генерировала невероятную энергию, демонстрировала уникальные пианистические качества, выразительность и несокрушимую артистическую волю – играющие вокруг музыканты, особенно молодые и абсолютно замечательные, тем не менее как бы переставали быть слышны – настолько она сильна и неподражаема в своей индивидуальности...

ПЛАНЕТА «КИТАЙ»

Как радовался хор, когда узнал, что я собираюсь их сопровождать в поездке в Пекин! Совпали их многолетние желания (хор во все свои поездки на конкурсы – в Венецию, в Шаосинь, в Вену – ездил самостоятельно, без администрации) и мое намерение установить более масштабное сотрудничество с Китаем, фантастическим «континентом», поражающим весь мир своими темпами роста. В общем, поехали на фестиваль современной музыки, организованный Центральной консерваторией Пекина. На этот фестиваль нас рекомендовал Ксяоминг Хан, наш новый, но очень хороший и очень активный партнер, валторнист по специальности, уже более тридцати лет живущий в Германии. Однажды посетивший нашу консерваторию, он был так впечатлен и поражен нашими студентами и педагогами, их готовностью к сотрудничеству, их музыкальными качествами и доброжелательностью, что за неделю мастер-классов и концерта умудрился три раза пригласить студентов и педагогов в рестораны да еще устроить перед своим отъездом в нашей столовой чайна-пати... На вопрос, зачем он это делает, Ксяоминг отвечал: «Вы так напоминаете мне Китай тридцатилетней давности своим воодушевлением, энтузиазмом, стремлением к качеству! Сейчас Китай уже не такой, как раньше. Очень понизилось качество игры молодых музыкантов, зато возросли их требования по зарплате, гонорарам. Китай стал богатым, оркестры и музыканты со всего мира стали приезжать на гастроли в Поднебесную, давать мастер-классы – студенты быстро пресытились и уже ничего не хотят». С большим восторгом он покидал гостеприимный Алматы, а у нас в очередной

раз повысилась самооценка и прибавилось уверенности в своих силах. «А вдруг мы тоже разбогатеем в следующие тридцать лет и станем хуже?!» – подумала я и постаралась успокоить себя: кажется, нам это не очень грозит...

Как прекрасно наши посольские, жены дипломатов, представители национальных компаний и банков реагировали на концерт хора! Принесли перед началом представления четыре огромных столба цветов. На вопрос, зачем так много, ответили, что каждый – от своей организации, имеющей представительство в Пекине: «Эйр Астана», «Народный банк», «Казатомпром», Посольство. Казахстанцев, вместе с нашими соотечественниками – студентами китайских вузов, на концерт пришло 150 человек; хотели больше, но организаторы не дали билетов. Сколько букетов цветов принесли дополнительно! Было так трогательно. А накануне концерта жены дипломатов и всех других казахстанцев-международников (поскольку их мужья полетели в Шанхай, где именно в это время была встреча СМВДА и конференция ШОС, а еще и официальный визит нашего Президента) пригласили нас на ужин, подарив сказочный вечер общения с девятнадцатью приятными и интересными, инициативными и дружными соотечественницами.

Когда я за месяц перед поездкой позвонила послу Казахстана в Китае (что обычно делаю, когда едет большая группа студентов), сразу почувствовала его замешательство, некоторое напряжение в голосе и предположила в вопросе, что, наверное, у них много делегаций и работы? На что Посол Нурлан Ермекбаев ответил: «Жания, если есть в году самая трудная и ответственная неделя, то это именно та, в которую вы приезжаете, потому что, кроме всего прочего, мы готовим визит Президента и всем Посольством уезжаем в Шанхай». Но замечательные дамы, среди которых первую скрипку играла атташе по культуре Жулдыз, всё компенсировали, окружив нас всех вниманием и заботой.

* * *

Консерватория в Гуанчжоу называется Сянь Синхай консерватория – по имени знаменитого китайского композитора, который жил некоторое время в Казахстане (в Алматы даже есть улица Сянь Синхая). Ректор этой консерватории, узнав о том, что я приезжаю в Пекин и даю мастер-классы, также решил пригласить меня для проведения мастер-классов и для заключения договора о сотрудничестве между двумя консерваториями. Надо ли удивляться, что мои впечатления от масштаба, возможностей, качества инструментов, оборудования, роскошных залов, количества и качества китайских студентов колоссальные! Что-то я не очень заметила понижение качества – студенты просто потрясающие! Неужели раньше были еще лучше? А может, наш друг Хан имел в виду, что раньше они занимались по 24 часа в сутки, а теперь еще иногда спят и едят?! Это вообще-то может быть правдой. Когда мне доводилось слушать китайских музыкантов еще в советское время, казалось, что они были недостижимы! Говорят, в Китае только пианистов – 50 миллионов. Из них наверняка 50 тысяч имеет совершенно фантастический уровень! Ведь китайцев не переиграть, особенно два или три последних поколения музыкантов, которые получили европейское, советское, русское, американское образование в области классической музыки и теперь играют абсолютно совершенно!

Гуанчжоу – очень красивый город. Оказывается, все великолепие этого гиганта возникло только 15-16 лет назад. Бурное развитие города было связано с изменившимся законодательством, с организацией свободных экономических зон, а еще... как я слышала, развалом Советского Союза. Так же, как и в Турции: в этих странах сумели воспользоваться экономическим развалом и неразберихой внутри бывшего Союза с большой выгодой для себя. Всем известно, как мы получали дешевый ширпотреб взамен наших природных богатств, поскольку как-то внезапно обеднели, не справившись с госуправлением и наступившим диким рынком. А теперь взираем с восхищением, понимая, что догонять придется долго...

Идея посещения Гуанчжоу возникла из неожиданного телефонного звонка моей школьной учительницы Галины Всеволодовны Поповой. Я училась у нее в детстве в течение двух лет, в четвертом-пятом классах Байсеитовской школы. Она была и, уверена, остается просто чудесным педагогом, которого я очень любила, и я долгое время была безутешной, когда она уехала из Алматы в Одессу. С тех пор мы иногда встречались на пространствах Союза. Узнав о моем визите в Пекин, Галина Всеволодовна договорилась со своим ректором о моем приглашении в Гуанчжоу. Оказалось, главным образом, чтобы повидаться с ученицей после тридцати лет перерыва. Я встретила Галину Всеволодовну в очень хорошей профессиональной и физической форме, что казалось просто чудом, если представить, сколько трудностей было пережито ею за всю жизнь. Ей удалось сохранить доброту – она так же тепло и солнечно смотрит на мир, так же кропотливо и честно занимается с учениками, совсем по-житейски бесхитростна и наивна, кротка и терпелива со всеми. Она сохранила ясность ума, быстроту реакции, совсем не отстала от современности, хотя остается приверженной традиционным ценностям. Мы провели четыре приятнейших дня, наговорились, рассказав о своих жизнях и судьбе – и в конце признались друг другу, что несмотря на некоторые опасения – все-таки

столько лет не виделись – остались абсолютными единомышленниками во всем! Везет же мне на хороших педагогов! Как это важно – в самом детстве встретиться с добрым человеком, который привет любовь к музыке, не отвратит от нее, как это часто случается!

НАША ГОРДОСТЬ – ОРКЕСТР НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Триумфальное его шествие началось давно. Процесс национальной идентификации поднял большую волну интереса к народной музыке. Но если отдельные солисты были известны и любимы во все времена, то по отношению к оркестру народных инструментов позиция некоторых наших «теоретиков» от музыки начала меняться, вплоть до того, чтобы отменить бытование казахского оркестра, утверждая, что формы коллективного исполнения наносят вред развитию национальной музыки, ее аутентичности и самобытности.

Не скрою, некоторое время я была в раздумьях от таких заявлений: авторитеты сильно влияли на умы своих последователей и учеников. Однажды решила обсудить эту тему с Еркегали Рахмадиевым – мне важно было узнать, как он относится к этому непростому вопросу. Ответ был ясен: «Если какое-либо явление в музыке живет, развивается, находит своих почитателей, то, значит, оно существует и будет продолжать развиваться вне зависимости от оценки специалистов. И наоборот, другое явление в искусстве, не обладающее жизнеспособностью, быстрее отомрет, несмотря на самые радужные надежды, которые оно, казалось бы, внушает...» Процессы в искусстве, культуре, образовании, науке не линейны; история знает такое количество парадоксальных фактов, которые приходится только констатировать, отказываясь от утверждений и прогнозов.

В сущности, «народные», традиционные музыканты именно в годы независимости стали ощущать в полной мере свою «легитимность», востребованность, успешность. В разы увеличилось количество концертов, конкурсов, международных проектов, различных конференций, форумов, научных и методических публикаций, аудиопродукции. Вместе со всеми внешними проявлениями активности и востребованности изменилась внутренняя жизнь, самоидентификация народных музыкантов: они стали более раскрепощенными, уверенными в себе, не в последнюю очередь, благодаря росту активной слушательской аудитории. Количество стало переходить в качество, повлиявшее на рост целой плеяды блестящих исполнителей, певцов, домбристов, многочисленных ансамблей народной музыки.

Наш студенческий оркестр с недавних пор стал самым ярким из национальных коллективов страны, и этому есть все то же объяснение, как и в случае с симфоническим оркестром, хором консерватории, ансамблями кобызистов и скрипачей... Во-первых, музыканты молоды, красивы, пока еще не обременены проблемами быта и взрослой жизни; они полны энтузиазма, у них уже во время учебы появляются возможности увидеть страну и мир, узнать успех и восторг зрителей, показать себя на лучших сценах, в кадрах многочисленных документальных фильмов... Так все эти условия как раз и создают то качество, которое мало кто ожидает от учащихся, студентов! Наши первые шаги в этом направлении были робкими, с большими переживаниями и волнением. Но шаг за шагом, смелее ставя перед собой все более сложные задачи и преодолевая барьеры, мы смогли

выступать во всех уголках страны и по всему миру, уже не удивляясь восторженной реакцией публики, воспринимая ее как должное... Мы формировали образ страны со всей страстью, не сомневаясь в своем убеждении, что достойны представлять Казахстан как молодую, прогрессивную страну с высоким уровнем культуры!

Вспоминаю первый зарубежный опыт «народников» в Урумчи. Китайский организатор предложил выступить с несколькими концертами в университетах Синьдзян-Уйгурского района, предполагая интерес большой аудитории из казахской диаспоры. Организация турне, оформление виз, составление программы шло не очень быстро. Китайская сторона очень нервничала, и справедливо: наши студенты народного факультета, как истинные выходцы из «народа», не слишком приученные к дисциплине, не спешили с предоставлением документов, у многих отсутствовали паспорта. Короче говоря, получили от китайского продюсера или менеджера много возмущения и нареканий... Наконец все организационные проблемы были решены, и оркестр выехал на гастроли. И уже через полчаса после начала концерта нашего оркестра народных инструментов китаец звонил в Алматы нашему декану и кричал в трубку, счастливый: «Я боюсь, зрители снесут зал! Здесь такой грохот аплодисментов, слушатели буйствуют!..»

В разные годы оркестр народных инструментов покорял меломанов Берлинской филармонии, залы турецких университетов, большинство сцен во всех регионах Казахстана, а в 2015 году мы уже выступали по приглашению самой крупной китайской продюсерской компании «Wu Promotion». Услышав о творческих успехах нашей консерватории, глава компании, работающей только с мировыми звездами, приехал к нам и в первую очередь пригласил оркестр народных инструментов для выступления в Шанхайском культурном центре, огромном зале с роскошной живой акустикой. Я была свидетелем очередного огромного успеха наших студентов! А в сущности, уже много лет зная об их артистических и музыкальных качествах, я ставила выступление «народного» оркестра на финалы наших гала-концертов консерватории, уверенная, что казахская музыка и таланты наших исполнителей и дирижеров произведут самое сильное и яркое впечатление – «народников» было не переиграть...

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНИКАХ

Чему я учу своих студентов? Не только пианистов или отдельных солистов, но и большие коллективы, ансамбли, как классические так и народные? Конечно, тому, что они – будущие концертанты. Большая часть из них в душе не верят в то, что будут ими; нужны огромные усилия, чтобы передать им уверенность в своем будущем, в правильном выборе своей профессии! Ведь для того, чтобы стать концертным исполнителем, столько всего нужно! Они должны очень много слышать, читать, знать, развиваться. Понимать традиции, иметь слуховой опыт, очень напряженно и кропотливо работать с пяти-шести лет, чтобы сформировать себя как концертного исполнителя. Необходимо много сопутствующих вещей, которых по объективным причинам у нас в Алматы пока не существует. Ведь не случайно любой мало-мальски талантливый человек, поверивший в себя, стремится уехать из Казахстана туда, где он может лучше себя проявить...

Я учу студентов выходу на сцену, как когда-то меня учил мой московский педагог Марк Мильман. Поэтому они у меня всегда «классно» кланяются и не боятся

зрителя. Только через много лет я поняла, что зритель на самом деле добрый. Каждый раз во время концерта он надеется на чудо, что вот именно сегодня он с этим чудом встретится. Это чудо – настоящая высокая музыка. Это чудо – открытие таланта. И нужно постараться не обмануть слушателя в этом. Не следует думать ни о себе, ни о том, как тебя оценят. В любом случае, лучше, чем ты есть, ты не сможешь показаться, а хуже – сколько угодно. Главное – быть смиренным. Самое страшное – демонстрировать слушателям свое «я», восхищаться собственным артистическим обликом, мастерством. Это снижает класс исполнения, иногда даже наказывается, во всяком случае, так было в моей концертной практике.

Наиболее сильной стороной своей педагогической деятельности я считаю передачу опыта концертной жизни. Потому что всем известно: когда мы наедине с собой, у нас многое получается, мы слышим свой реальный потенциал. Стоит появиться одному или нескольким слушателям, а особенно если это строгая комиссия, или конкурс, жюри, или если это массовый зритель, – и почему-то отношение к инструменту меняется, сцена сковывает, сильные стороны начинают ослабевать! и выходит одно: «Ой, что будет сейчас! Как я сыграю!» Или: «Что скажут?!» Или: «Я не смогу сыграть!» Так же себя чувствуют и большие коллективы, даже несмотря на то, что самочувствие музыканта в творческом коллективе подвергается гораздо меньшему стрессу и волнению.

Залогом успешных концертов как коллективов, так и наших солистов в последние 10–15 лет стало проведение большого количества совместных репетиций. Именно совместных, когда все исполнители, по возможности, находятся на сцене, где они слушают замечания ректора, которого воспринимают в первую очередь как авторитетную артистку, а также замечания присутствующих деканов или некоторых педагогов. Мне удавалось различными способами, ободряющими словами, практическим показом, иногда с большой долей юмора создавать такую атмосферу, в которой способности и возможности студентов очень быстро и ярко проявлялись, и это видели и слышали все, кто находился в зале, ожидая своей очереди на репетиции. Так у нас сформировалась хорошая традиция, когда подготовка к концертам стала особенным и счастливым моментом взаимодействия студентов со своими наставниками; на наших глазах происходило колоссальное преобразование студентов, и все были этому свидетелями. Успех наших больших гала-концертов был совсем не случаен: ему предшествовали в течение многих лет кропотливые индивидуальные занятия с педагогами и мастер-классы с профессорами, приглашенными со всего мира. Свою долю в этот успех привнесли и новые условия для проведения концертов в городах Казахстана и за рубежом, а в последние годы добавилось создание ярких шоу-программ на наших главных сценах страны.

2017 год. Сижу за роялем и учу фрагменты из «Гарри Поттера» и «Пиратов Карибского моря». «Пиратов» не смотрела, «Гарри Поттера» все книжки в свое время запоем прочитала, а экранизация не очень понравилась. Но музыка! Музыка нравится всем, потому что создала этот сказочный образ и сделала его узнаваемым сразу для всего мира благодаря бесконечному тиражированию, использованию в рекламе, последующему исполнению любимыми музыкальными составами: оркестрами, камерными ансамблями, электронными инструментами. Глобализация

в музыке проявляется так, что интонация становится узнаваемой и близкой всем народам: например, я слышу и казахскую, и восточную, и европейскую мелодию, кличи индейцев, африканские ритмы... Музыка к фильмам становится продуктом, который понятен и легко продается...

С каким удовольствием наши студенты готовятся к концертам ЕХРО в конце августа! Они чувствуют себя в тренде, потому что программа – из популярнейших хитов, и наконец можно поиграть композиции Майкла Джексона, Фредди Меркьюри, саундтрек из «Rio 2» и так далее. Это дает такое редкое чувство свободы, которого им не хватает в учебной программе консерватории. Мы их «грузим» сложными произведениями классического репертуара, и знаем это, но не хотим снижать планку качества и требований. Однако в те редкие моменты, когда можно играть не по программе, они счастливы! Счастливы, потому что красиво, популярно, легко воспринимается и, в сущности, нетрудно и при этом эффектно. Настоящий продукт! И мы также участвуем в воспроизводстве этого продукта. Законы рынка... А что делать?! Нет, у нас есть в программе абсолютно гениальные казахские произведения, и они способны конкурировать с мировыми хитами по качеству музыки, но ее необходимо исполнить на самом высоком уровне!

Вот такими очень важными и серьезными заботами мы живем в эти летние месяцы, чтобы продолжать работу по воспитанию музыкантов и просвещению публики с помощью разнообразных форм представления. У нас – «царство» талантливой молодежи и их заботливых наставников! Нам совсем не скучно! Счастье, что государство создает условия для творчества!

* * *

Что это было? Даже Президент страны неожиданно посетил наш концерт!

Впервые в таком масштабе на открытой арене. Впервые с таким роскошным видеорядом и декором сцены. С настоящим светом! Телеканал «Казахстан», планировавший только один день съемок, все три дня был с нами, потому что число просмотров нашего первого концерта на сайте ЕХРО ушло за 20 000. Теперь есть три версии, и можно надеяться, что в окончательном монтаже останется наилучшее! Мы в очередной раз смогли показать, что все жанры музыки хороши, если исполнять их на уровне, а казахская музыка не уступает мировым хитам! А еще... в видеOVERсиях совсем не слышно настоящей («дикой») в хорошем смысле, как на рок-концерте) реакции публики, потому что звук аплодисментов, криков, ревушего от восторга зала разлетался по всей территории выставки, поскольку не было специальной подзвучки!

Смыслы выставки, девизы, тренды были поддержаны зашкаливающей духовной энергией наших воспитанников. Это было что-то! Спасибо организаторам, спасибо всем-всем-всем!

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНАМ ПРОФЕССИИ

Недавно я окончательно укрепила в следующей мысли: наши студенты определенно начинают переходить на следующий, более высокий этап своего профессионального развития. Я имею в виду не отдельных индивидов – звезд, которые всегда движутся по своей траектории и которыми мы по праву гордимся,

а именно основную студенческую общественность как живой развивающийся организм. Наш музыкальный организм начинает переходить от коллективных форм музицирования, таких как оркестр из ста человек, хор из восьмидесяти – к более индивидуальным. В нашем случае, к камерным составам, камерному репертуару. Понятно, что в процессе игры ответственность за качество исполнения несут все музыканты, но чем больше их в оркестре, тем легче двигаться всем вместе к музыкальной истине. Энергия оркестров, хоров неизмеримо выше, чем отдельного солиста, если учитывать количество участников и их звуковую массу. Некоторые несовершенства каждого не так заметны, и партии не так сложны для исполнения. Самое важное – слышать и прислушиваться друг к другу, составлять с партнерами единое целое.

В случае же с солистами задача усложняется. Музыкант, выходящий для игры соло, должен уметь концентрировать в себе такой же огромный поток энергии, который будет воздействовать аналогично на большую слушательскую аудиторию. Как вырастить такого профессионала и крупную личность? Педагоги знают: воспитание солиста – несколько иной и более долгий по времени процесс. В нашей работе столько мистики и непредсказуемости, что по сравнению с ними выработка технических навыков и обучение ремеслу бледнеют и тушуются. Жаль, что их еще и без ложной скромности нередко именуют искусством.

Чтобы сформировалась способность к творчеству в высшем смысле слова, со стороны учителя и ученика требуется столько условий: природных дарований, учета всех деталей процесса, обучения техническим навыкам, что понимаешь – идеал в принципе недостижим. И тем не менее мы часто говорим: «Никогда не говори никогда!» И верим до последнего, что талант прорвется, способности усилятся, личность прорастет...

А как часто мы в бессилии опускаем руки, признавая неутешительный диагноз... Но случается в нашей жизни счастье, когда все-таки происходит невозможное, наши ученики нас потрясают, и тогда мы начинаем верить в чудеса! Понятно, почему людей искусства называют чудаками!..

Этот монолог сложился после недавнего концерта «фортепианных дуэтов» в нашем Большом зале, который привел меня в неопишуемый восторг от программы, артистизма исполнителей, от реакции зрителей! Все студенты прекрасны своей профессиональной осознанностью: они естественны на сцене, они научились себе доверять и ощущают себя взрослыми, уверенными в себе артистами, привыкшими, что в залах консерватории их ожидает внимательная и требовательная публика. Ответственность перед своими учителями, сокурсниками, незнакомой публикой не только в родной консерватории, но и на концертах в стране и за рубежом делают свое дело.

Сегодня, как грибы после дождя, как деревья, расцветающие и плодоносящие, наши студенты, магистранты и молодые педагоги начинают проявлять свою индивидуальность, которая завораживает, изменяет общую атмосферу консерватории, множит ряды их искренних поклонников!

Когда-то первые зарубежные партнеры-педагоги, приезжавшие на мастер-классы, говорили о том, что наши студенты замечательные. Им слегка не хватает технической оснащенности, зато у них есть встроенное чувство музыки, которое не надо пробуждать, как у некоторых других студентов. Могу констатировать

– все, чего не хватало, усилили, добавили, а чувство музыки вознесло их к таким высотам, где красота и глубина смысла так очевидны, что не требуют доказательств!

* * *

Какая все-таки редкая удача – получить хорошую, качественную видеOVERSIYU концерта. Очень часто бывает, что концерт сложился, а видео не было предусмотрено. Или концерт есть, и видео есть, только невозможно смотреть: брак по свету, либо по звуку, либо невнятно по монтажу – либо сам концерт не получился. Очень серьезная творческая и технологическая задача, которая чаще всего не под силу большинству музыкантов. Требуются усилия множества профессионалов, а их, как всегда, не хватает, да и дорогое это удовольствие. Поэтому так часто мы слышим нарекания в свой адрес, в основном от тех, кто на концертах не бывает, а судит только по видеопрограммам...

Но иногда случаются чудеса! Благодаря случайно освободившейся в день концерта шикарной ПТС «Хабара» и доброй воле канала «Білім және мәдениет» получилась очень красивая видеOVERSIYU концерта студентов и коллективов консерватории, посвященного памяти Батырхана Шукенова. Мы очень готовились к нему, и это видно по лицам и особенному состоянию каждого участника! А какие красивые и восторженные слушатели! Как хорошо, что это осталось в записи! Огромная благодарность всей съемочной группе и режиссеру Гульнарe Меирбековой.

Обожаю наших студентов и педагогов. Почти два десятилетия мы работали с коллегами и терпеливо ждали, чтобы наши ученики стали так выступать! А до нас... пять десятилетий великих предшественников создавали, выращивали, пестовали, достигали громадных успехов, каждый по возможностям своего времени и обстоятельств! Но именно сегодня, как никогда, о казахстанской музыкальной культуре заговорили. Она может конкурировать со всем миром, становиться экспортным продуктом!

ПОРТРЕТ НАШЕГО СЛУШАТЕЛЯ, ЗРИТЕЛЯ...

Я люблю всматриваться в лица наших слушателей. Лучше всего это удастся во время просмотра видеOVERSIYU, когда они, увлеченные, восторженные, иногда удивленные, задумчивые, ушедшие в себя, дают нам ни с чем не сравнимые эмоции, повышают нашу значимость. Испытывая некоторый пафос под влиянием важности предмета, могу сказать, что эта трогательная реакция слушателей подтверждает востребованность дела нашей жизни. Наверное, у меня, часто присутствующей на монтаже наших концертов, проявляется социологический интерес к портрету нашего зрителя – а кто же он, такой интересный и загадочный, совсем новый, а где-то знакомый и родной?

По моим наблюдениям, это молодой зритель, очень симпатичный, «обремененный» печатью интеллекта, образования, с особыми, выше среднего, культурными потребностями, запросами. И в прежние времена такие слушатели разных возрастов забредали в наши залы. Но общая разреженность атмосферы, когда зал не полон, порождала неуверенность и сомнения не только у исполнителя, но и у зрителей – им не хватало энергии на всё время звучания полноценного концерта

С благодарностью мы встречаем сегодня среднее поколение зрителей – самодостаточные, успешные, без снобизма интересующиеся искусством совсем молодых, неопытных, начинающих музыкантов, дающие сбалансированную оценку, с осознанием сильных и слабых сторон просматривающие будущую перспективу.

А от взрослого поколения, пенсионеров просто дух захватывает – как они красивы! Они, в свою очередь, любят наши детки – им важно видеть, что есть другая, особенная молодежь, которая продолжает вековую линию жизни поколений, сочувствует вечным ценностям, звучащим в интонациях великих композиторов.

Собственно говоря, публика создает для студентов самые идеальные условия учебного процесса – без них все усилия наших великолепных педагогов, использование самых современных технологий, обучение разнообразным компетенциям не могли бы дать такого результата, который мы сегодня имеем. Наши студенты растут с невиданной ранее скоростью, опровергая установившиеся представления о педагогике. Количество концертов увеличивается с каждым годом, растет предложение, а спрос как будто даже превышает его – все концерты в трех залах консерватории проходят при аншлагах! Какой-то бум интереса к творчеству молодых, и благодаря этому мы начинаем понимать что-то очень важное «о времени и о себе».

Конечно, мы осознаем, что предприняли много лет назад грамотные усилия с помощью наших же музыкантов, освоивших науку и практику менеджмента в искусстве, вырастивших и воспитавших в течение десяти-пятнадцати лет нашу новую аудиторию. А теперь эту «лавину» интереса порой сложно контролировать, ведь ресурсов одного учебного заведения недостаточно, чтобы работать с утроенной силой, в несколько смен, практически без выходных. Остается добавить, что многочисленные концерты, фестивали, конкурсы, мастер-классы, научно-практические конференции, которые проводятся в режиме нон-стоп в стенах консерватории, заставляют жить совсем в ином ритме наш педагогический коллектив, уже привыкший к любым испытаниям, окрепший в условиях перемен за многие годы бесконечных реформ! И у каждого из наших подразделений есть свой заинтересованный зритель, который ревностно следит за новостями и успехами.

Концерты народной музыки проходят в самой горячей, буквально зашкаливающей эмоциональной атмосфере. Традиционно ободряющие крики из зала добавляют градуса взрывному темпераменту музыкантов и слушателей. Иная обстановка на концертах симфонической и фортепианной музыки – торжественно-приподнятая, с вибрациями высокого интеллектуального и духовного накала. Органные концерты – это мистически-медитативная обстановка, когда ощущаешь себя наедине с сосредоточенным залом – звуки органа вводят слушателей в атмосферу храмов (неслучайно в зале всегда приглушается свет).

А как проходят концерты нашего прославленного хора – сколько счастья и удовольствия от красоты звучания человеческих голосов, многоголосия, умножающего силу музыки!

А наши музыканты-духовики, которые в последние годы колоссально поднялись, показывая настоящее качества звучания и оригинальный репертуар!

А пианисты, которым постоянно устанавливается недостижимая творческая планка, и они добиваются невероятных результатов!

А потрясающие баянисты и аккордеонисты, свободные, сочетающие как народные, так и классические традиции.

И, наконец, певцы, целая плеяда молодых вокалистов, поражающих красотой голоса, смело осваивающих и классический, и эстрадный репертуар.

Я не назову имен наших международных партнеров, подаривших слушателям незабываемые моменты музыкальной истины на своих концертах, не упомяну наших ярчайших звезд – руководителей творческих коллективов консерватории знаменитых солистов, которые, несмотря на свою молодость, блистают на концертах в стране и в мире, не расскажу о наших выдающихся педагогах, о нашем радио «Classic», о многом другом, сказочно интересном и важном, – чтобы все-таки сконцентрироваться на новом феномене – аудитории слушателей, выросшей на наших глазах и ставшей нашими единомышленниками и друзьями.

Раньше мне казалось, что посетители наших концертов – единая аудитория, которая в принципе интересуется классической и народной музыкой. А теперь стало ясно, что она разделяется по предпочтениям, пристрастиям; она значительно внушительнее по размерам, стилю и возрасту. Мы уже знаем многих в лицо, а база их электронных адресов постоянно расширяется. Сколько друзей и подписчиков на наших сайтах в социальных сетях! И это не только виртуальная дружба, это живые зрители, которые предпочитают посещение концертов походам в кинотеатр, в ресторан либо иному, более распространенному, а потому и менее притязательному времяпрепровождению.

И в заключение: вот бы пообщаться со специалистами, которые смогли бы исследовать некоторые промежуточные вехи социальных перемен, а также температуру и состояние духовного здоровья значительной части общественного организма, которой мы так гордимся...

IV глава МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

* * *

Сию в Павлодаре в ГДК имени Естая, репетирую, и вдруг мне вспоминается детский сон, в котором легендарная венгерская пианистка Анни Фишер каким-то образом, за какие-то заслуги решает подарить мне, в ту пору пятикласснице, концертный рояль! Сон приснился после урока по музыкальной литературе, где мы впервые прослушали «Патетическую» сонату – великую музыку Бетховена именно в ее исполнении! Где я, а где сказочная Анни Фишер?! Я тогда еще ни одной «фибриной» души не чувствовала себя пианисткой и не мечтала об этом! Но сегодня, по прошествии немалого времени, понимаю, что этот сон был каким-то благословением и знаком для будущей судьбы (надеюсь, не слишком пафосно звучит!).

У пианистов может быть свой прекрасный рояль, но его не возьмешь на гастроли! И тогда ты только надеешься, что рояли, которые встретятся тебе на сценах страны и мира, будут в состоянии ответить профессиональной взаимностью... И вот что я чувствую, вспомнив далекий детский сон... Дух великой пианистки помогает мне в профессии! Везде, где мне приходится играть, меня ожидают самые лучшие инструменты! Вчера в Экибастузе в их уникальной знаменитой

музыкальной школе я играла на «Бехштейне», вечером на открытии международного конкурса в Павлодарском музыкальном колледже – на «Стейнвее», и завтра буду играть на концертном «Стейнвее» свой очередной сольный концерт. Вспоминаю, как о родных существах, об инструментах в Астане, Караганде, Усть-Каменогорске, Шымкенте, Алматы, уже не говоря о европейских, азиатских, американских залах и роялях!

Не спрашивайте, в чем счастье пианиста...

Помню свой сольный концерт после большого перерыва в концертной деятельности, который случился, как и у многих, из-за общей ситуации 90-х годов. И вот в зале «Гаво» в Париже, в этом историческом зале мне предстояло играть большой сольный концерт в 2002 году. Зал, в котором выступали Лист, Шопен и все великие музыканты последних трех столетий. Стены этого зала помнят взлеты духа, виртуозный блеск, гигантский масштаб талантов и бессмертные интерпретации великих сочинений классиков! Когда я пришла посмотреть «Гаво» за год до концерта, у меня все похолодело внутри: как мне страшно было после такого перерыва (12 лет) просто находиться в этом величественном зале, не говоря о том, чтобы играть в нем сольный концерт! (Не беру во внимание некоторые концерты в Алматы либо зарубежные сборные концерты в рамках Дней дружбы, проходившие изредка в это десятилетие.)

Накануне концерта мне приснился сон, что я выхожу на сцену, прикасаюсь к роялю... а звука нет! Проснувшись, не стала никому рассказывать, боясь даже произносить вслух такие слова. Днем, в суете репетиций, в процессе работы съемочной группы уже не было времени для переживания страхов – только сосредоточенность и настрой на вдохновение. Я уговаривала себя: «А что мне еще надо, какие еще условия, чтобы перестать бояться и играть по-настоящему? Это же мечта! Это же особое удовольствие, огромное счастье!» Конечно, такое сильное беспокойство понятно – известно, что чем чаще играешь, тем более привыкаешь к сцене, легче преодолевая неизбежное волнение! За полчаса до начала в небольшом квадрате окошка на двери, выходящей на сцену, я вижу совсем малое количество зрителей. Как же я буду играть? Я не могу, когда зрителей мало! За пять минут до начала я вижу переполненный зал – и опять те же отчаянные мысли...

Концерт прошел... как событие жизни! Прежде всего, это была победа над собой, это было возрождение меня как сольной пианистки, это был успешный концерт с предельно сложной программой: Бах – Бузони «Чакона», «Симфонические этюды» Шумана, Брамс «Вариации на тему Паганини» (2-я тетрадь), соната си минор Шопена. Знатокам известно, что это за крепкие орешки!

После концерта мы, то есть вся съемочная группа и сопровождавшие меня коллеги, были приглашены на следующий день послом Таиланда во Францию – он оказался знатоком и фанатом классической музыки, посетившим мой концерт! Я никогда прежде не слышала поздравления, выраженного так лаконично: «Мадам, вы сегодня были сенсационны!» Мы практически впервые увидели роскошь убранства личного особняка в ориентальном стиле, принадлежащего послу Таиланда. Особенное впечатление оставили свечи, расставленные вдоль границы какого-то водоема внутри дома, сервировка стола, тайские обеденные и чайные церемонии...

КОНЦЕРТ В ИЗРАИЛЕ

2002 год. Как всегда, в Израиль собиралась с жутким лимитом времени. А когда бывало иначе?! Практически никогда и не было, чтобы все заранее спланировать, продумать, настроиться, собраться с мыслями. Постоянное состояние «беспамятства». Еле «доползли» к самолету с моей учительницей Венерой Ибраевой, которая также была приглашена Послом Казахстана в Израиле Б. Айтимовой на мой концерт. А в те годы самолет родной компании «Air Kazakhstan» не имел ни пледов, ни подушечек. Холод среди ночи неимоверный, пронизывающий, не можем согреться. Из-за этого не получается заснуть. Пять часов тряслись, пытались укрыться газетами, наконец, измученные, сели на Земле Обетованной. Жара! Появилась обратная проблема. А в голове – заноза: как же я сегодня вечером буду исполнять сольный концерт с четырьмя скерцо и четырьмя балладами? (Пианисты знают, что это такое!)

Приехали в роскошную резиденцию посла. Теплый прием, чай, бассейн, спать хочется смертельно. А репетиция – через час. Но, слава всем богам, в зале кондиционер, и я получаю четыре часа хороших занятий. Совершенно сбита с толку то холодом, то жарой, пробками на дорогах, сменой времени, безнадежно собираюсь на концерт, который назначен на 21.30, а я уже больше суток не сплю. Бедная Бырганым Сариевна переживает за меня, места себе не находит. Но правильно говорят, в экстремальных ситуациях вдруг открывается второе дыхание, а еще у меня впереди перспектива на следующий день быть в Иерусалиме, а позднее отдохнуть в течение недели на Красном и Мертвом морях.

Главное – я имела возможность наблюдать, какой народ собирается на концерт. Он мне неожиданно очень понравился, придал силы, возникло желание играть. Вообще я люблю дипломатический люд. Даже если они и не в полной мере воспринимают то, что ты играешь, но привычку слушать имеют все. В очередной раз был удачный концерт – Бог спас, приняв мою мольбу о спасении и обещание будущих настоящих занятий. Сколько раз за последние годы я обращалась к Всевышнему с молитвами аналогичного содержания! Но для занятий в моей жизни и до сих пор практически нет времени.

ГДЕ НАХОДИТЬ ВРЕМЯ...

Понимаю, в чем дело, какие составляющие необходимы, чтобы все успевалось и складывалось как надо. У меня было несколько концертов, когда я сознавала, что сегодня многое из задуманного может не получиться. А на следующем концерте все идеально сложится: совпадут все условия, и я буду играть именно так, как задумала. И действительно, все происходило так, как я и предполагала. То есть трудное овладение множеством профессиональных навыков все-таки происходит.

Знаю, что не смогу и не буду играть, если в зале нет тишины, и потому добиваюсь ее всегда. Может быть, не будет бурного восторга, когда я играю особенно серьезные или драматические произведения, которые не вызывают прилива энтузиазма и счастья. Но пока играю, люди сидят в абсолютной тишине. И вот эта тишина для меня не менее важна, чем бурные аплодисменты. На удачных концертах, если особенно хорошо к ним подготовилась, я, как художник, рисую-

щий картину, выделяю какие-то краски, эмоции, особенно нежное лирическое настроение или активность, динамику, мужественную силу и смелость, которые все обычно жаждут услышать. И всё это всегда хочется поднять на необычайную высоту.

Сейчас все больше и больше стараюсь себя ограничивать: нельзя так сильно расплыться, иначе просто выдержу. Мне точно необходимо самоограничение. И это касается всего, что приятно: отдых, какие-то встречи, вечеринки, дружеское общение... В принципе ведь жизненно необходимо с интересными людьми поговорить, лишний раз почувствовать тепло, которое от них исходит. Но я теперь всего этого избегаю. Потому что если потрачу на это какое-то время, то где потом его найду, чтобы выучить программу к очередному концерту?

Хорошо играла фортепианные концерты Рахманинова и Брамса, вариации Брамса. 24 прелюдии Шопена были серьезной аспирантской работой – выпущена пластинка на фирме «Мелодия», но почему-то теперь я к ним не так часто возвращаюсь. Конечно, трудно, очень трудно, невероятно трудно. Очень люблю Брамса; много играла как сольного, так и камерного репертуара. Есть мнение, что Брамс – старый композитор. Даже когда он был молодым, то писал взрослую, умудренную жизнь музыку. Правда, мне так не кажется. Прекрасны Пятая, Шестая, Седьмая сонаты Прокофьева; Четырнадцатая, Семнадцатая, Двадцать первая, Двадцать третья, Двадцать шестая, Восьмая, Десятая сонаты Бетховена...

За годы обучения в консерватории в идеале формируется база репертуара музыканта на всю жизнь. У меня база

действительно была замечательная, но недостаточная, и поэтому до сих пор продолжаю расширять, пополнять, воплощать в жизнь свои мечты о тех или иных произведениях. Часто композиторы – не пианисты, не так хорошо знающие особенности, тонкости инструмента, пишут как бы «в общем», без учета особенностей и возможностей рояля. Но есть в этом смысле композиторы, которых мы любим. Они пианистичны. Не то чтобы они проще, но именно пианистичнее, потому что знают и чувствуют природу инструмента. Например, Чайковский. Хотя он был пианистом, но, по-видимому, не таким блестящим, и его фактура не совсем пианистична. Прокофьев – потрясающей гениальности автор, но кажется, что он больше симфонист. То же самое можно сказать о Брамсе. А вот Шопен, во многом Шуман – они созданы для фортепиано, так же как и величайший композитор и пианист Сергей Рахманинов; потому-то Шопен и Шуман так удобно расположились в репертуаре пианистов.

УСТРЕМЛЕННЫЕ К ИДЕАЛУ

Музыканты, художники по своей сути – люди, устремленные к чему-то идеальному, к тому, что встроено в каждую человеческую душу. Практичные люди понимают, что идеал недостижим. А творческие, несмотря ни на что, верят, что однажды сумеют его достичь. Когда играешь прекрасную музыку, то вместе со слушателями переживаешь очень сильные, возвышенные, волшебные, потрясающие эмоции испытываешь надежду и даже уверенность в том, что скоро все преобразится и будет прекрасно. Ведь все люди так или иначе пытаются ответить на вопросы своей души, и, чтобы отыскать столь непростые истины, кто-то уходит в религию, кто-то пребывает наедине с природой, кто-то погружен в поиски научных или художественных открытий. В природу человека как бы встроено желание встретить, найти самый прекрасный ответ, к которому все его существо стремится всю жизнь. Но случается, это чувство очень рано и навсегда глохнет. Тогда исчезает блеск в глазах, появляется пессимизм, ощущение безысходности и полной бессмысленности собственных усилий. Все подменяется практицизмом и реалиями «приземленной» жизни. Однако есть и такие, кто не смиряется, не пасует перед трудностями и все равно продолжает жить в согласии со своими идеалами.

Тех, кто находит необходимый баланс между «бытом и богом», не так уж много, и, мне кажется, успешные художники как раз среди них: им удается принять обыденную жизнь со всеми ее негативными проявлениями, не утратив идеала, живущего в их душе. Музыкантам же несколько сложнее обрести этот баланс, поскольку они по своей природе – нечто вроде «вещи в себе», они заняты только собой и музыкой, и это как бы неотъемлемое свойство профессии.

Человек, который в одиночку держит в напряжении большой зал, не мог бы постоянно выносить свое хрупкое эго на суд зрителей и слушателей, если бы не считал его блестящим, оригинальным, достойным интереса. И не просто достойным, а даже не нуждающимся в поддержке других людей, особенно коллег. Вот почему особых контактов в среде «действующих» музыкантов-солистов практически нет. Их духовная пища – это любовь и признание публики, от которых зависит их успех, работа, карьера. У них фактически не остается времени на общение друг с другом: им достаточно общения с собой, со своим внутренним миром...

Бог дал мне хорошие руки. Но для того чтобы они стали профессиональными, пришлось очень много работать. Сильные эмоции, большое количество звука, большая взволнованность сковывали мои руки и давали противоположный эффект. Глубокое переживание могло сделать звук слабым и зажатым. Много нужно было преодолеть, чтобы прийти к ощущениям, когда ты находишься на эмоциональном пике, захватившем твой организм полностью, а вместе с тем какая-то часть мозга контролирует работу мышц – с одной стороны, ты стараешься плыть в океане захватывающих эмоций, но с другой – тебе приходится координировать свои движения, контролировать противоположные импульсы.

Иной раз тебе кажется, что все удалось, а зритель равнодушен. Выходит, что не была найдена гармония! А бывает, что ты играл как будто не очень, а слушатели «с ума сходят» от восторга. Значит, твоя работа удалась. Но это крайние полюса, а между ними масса вариантов, «дорожек» левых и правых. И чем больше работаешь в этом направлении, тем больше понимаешь, как бесконечно интересна

твоя профессия. Я говорю сейчас только о ремесле, о работе. Но мы стремимся к тому, чтобы вообще об этом не думать, когда всё происходит на пределе и даже выше пределов человеческих возможностей. Испытав это состояние единожды, человек попадает в объятия особой сценической энергии и стремится к ней всеми силами души на протяжении всей жизни!

За что люди любят музыку? Наверное, за то, что иногда вместе с ней замирают, почувствовав какое-то особое откровение, может быть, что-то грустное и хрупкое. И это чудо совершают руки. Очень часто «неправильные» руки извлекают плохой звук. Музыканту хочется подсказать: да ты посмотри внимательно, что ты руками делаешь! В таких случаях порой кажется, что люди вымещают свое неумение на инструменте – избивают его, жмут, давят, судорожно мучают. Бывает, что они его боятся – инструмент им словно чужое существо. Или как скакун, который как бы говорит: ну что это за всадник такой на мне, который меня боится?

Я часто спрашиваю своих студентов: вы знаете элементарные законы физики, механики? Так вот, рука подчиняется именно этим законам. И если хочешь играть ровно, то постарайся пальцы опускать с одинаковой скоростью и на одинаковом расстоянии. Если хочешь исполнить выразительную мелодию, то нельзя ее играть жесткой рукой. Сделай руку гибкой, чтобы успеть настроиться, перевести ее в режим пластичности. Но ведь в произведении состояния, образы, характеры меняются с непредсказуемой частотой и скоростью, и психика должна быть подвижной, чтобы успевать изменять состояние души и рук.

С опытом приходит понимание, что все пальцы могут быть в разном состоянии: какие-то из них в единицу времени расслаблены, другие – напряжены. Какой-то палец, например, третий, может быть вертикально расположенным, а остальные горизонтально. Вообще, что такое плохие или хорошие руки? Есть несколько параметров, определяющих их качество. Прежде всего, беглость, легкость, подвижность. Это один из основных параметров, то есть те качества, которые отражают скорость физических процессов в организме человека. Если она не совпадает с глубиной и ясностью мыслительных процессов, то и цена ее остается невысокой. В этом случае мы слышим трескучих, бездумных виртуозов, наскучивающих при первых же извлекаемых ими звуках.

Только в зрелом возрасте понимаешь, что жизненный опыт, размышления, профессиональная исполнительская и педагогическая деятельность, уверенность в своих силах, спокойствие, успех, ответственность, умение концентрироваться дают стабильные результаты, которые раньше казались невозможными. Но вместе с тем, все эти составляющие успеха невозможны без мучительного поиска собственного «я», бесконечного преодоления технических, психологических, ментальных блокировок, которые в конце концов сделают из тебя счастливого профессионала.

«ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ФАКТОР»

Мне всегда интересно, что рассказывает рояль об играющем человеке. Либо это мыслитель, философ; либо чистая, ранимая и страстная душа; либо самодовольный «индюшок», грубиян; либо неуверенный в себе человек, не понимающий, что хочет сказать. Это особенно слышно, когда сидишь на прослушиваниях, кон-

курсах, экзаменах. Хотя и считается, что человеческие качества не должны быть на первом плане – должны быть, в первую очередь, слышны идеи, мысли, душа композитора, музыкальное чувство должно захватывать слушателей... но, тем не менее, человек, несущий это искусство со сцены, неизбежно демонстрирует то, что он собой представляет. В сочетании с проникновением в замысел композитора музыка дает возможность наблюдать за исполнителем, за его природой.

«Исполнительский фактор» – постоянная составляющая, своеобразная константа негаснущего интереса к музыкальному искусству, да и к прочим сценическим искусствам, когда каждый раз чудо рождается заново «здесь и сейчас», и публика чувствует себя соучастником происходящего, а исполнитель становится его творцом, в котором заново воплощается композитор, драматург, режиссер или хореограф.

Есть такая проблема – приспособляемость к инструментам. Молодые исполнители привыкают к домашнему или учебному инструменту, и для них непреодолимо трудно играть без репетиций на другом инструменте. Они говорят: вот там тугие клавиши, а там – полегче, а здесь – то, а там – другое. Конечно, это правда, но поверхностная. Инструменты бывают разные по качеству. Опытный пианист обычно сразу отмечает важнейшие свойства неизвестного для него инструмента и быстро приспосабливается к нему. Потому что он точно знает, что нужно делать с клавишами. Клавиши иногда бывают тугими, но дело не в клавишах, а в их звучании; когда они звучат несколько тускловато, тогда может казаться, что добиться более яркого звука можно, если будешь сильнее нажимать или ударять по клавишам. Однако нет, силой тут не поможешь: все дело в том, чтобы найти особенно острое и чувствительное прикосновение в кончиках пальцев, которое на самом деле подходит всем инструментам, и тугим, и всем прочим.

Я очень сильно любила рояль, который был в нашей филармонии с 70-х по 90-е годы. Но он пожил-пожил и сейчас благополучно находится на «пенсии» в Байсеитовской школе.

У пианистов, конечно, нет такой связи с инструментом, как у скрипачей. У скрипачей – свой инструмент, и они всю жизнь на нем играют. Он у них родной, становится как бы частью их организма. А у пианистов почти каждый раз новый рояль, и это благо, если он хорошо настроен, хорошо проинтонирован, а в зале – хорошая акустика. Вот тогда рояль начинает петь!

МИРОВЫЕ КОНЦЕРТНЫЕ ЗАЛЫ

В свое время в Московской консерватории нас учили играть на большой сцене и с оркестром. Такая игра – более артикуляционная, более плотная, чтобы было лучше слышно на далеком расстоянии. Тут нужна специальная техника. Обычно у среднестатистического пианиста недостаточно звучности: в классе его хорошо слышно, а на сцене вообще нет. Это не зависит от громкости, это зависит от того, какая у музыканта подача звука. Иногда можно очень тихо играть и быть ясно слышимым и наоборот. Тем не менее, масса имеет значение. Например, если ты в хорошей физической форме, то можешь этими руками творить чудеса – столько имеется тонкостей в прикосновении, в постановке кисти, положении локтя, в ощущениях между ними.

Роялю важна настоящая сцена – и тогда он действительно хорош. Больше всего я люблю залы Европы. Потому что они имеют глубокие исторические и музыкальные традиции, всегда благополучны по акустике. В Германии замечательные залы, во Франции, в Польше, Чехии и Словакии... Хороши старинные залы, построенные в позапрошлом, в прошлом веке. Самое главное, они в большинстве своем звучат! Замечательно, когда интерьеры тоже связаны с классической архитектурой – с барокко, рококо. Вся классическая музыка: Моцарт, Гайдн, Бетховен, Брамс, Шуман, Шопен – рождалась в атмосфере дворцов. Наличие органа в зале – большой плюс, автоматически создающий приподнятую атмосферу.

Я играла в разных залах – и в современных, и в старинных. Знаменитый Барбикан-холл в Лондоне – это новый, современный зал. Но там было приятно выступать, потому что там отличная акустика, и рояль звучит идеально. Неслучайно именно Барбикан является базой знаменитого Лондонского симфонического оркестра. А какие залы построены в Корее, Китае в последние годы – дух захватывает! Ну и само собой – прекрасные залы в Америке, в университетских корпусах, огромных Линкольн-центре и Кеннеди-центре, в знаменитом историческом Карнеги-холле и многих других.

Очень мучительно, когда звук не распространяется легко. Это самая ужасная попытка для музыканта. Уж лучше пусть зал немного «гудит», как иногда в кафедральных соборах или других помещениях с повышенной реверберацией звука. Когда же акустика слишком «сухая» – это делает жизнь звука бессмысленной. Не могу не назвать замечательные залы с потрясающей акустикой – в Прибалтике. Большой и Малый залы филармонии Санкт-Петербурга, так же как и во многих дворцах этого уникального города-музея; по традиции залы хороши в Киеве и Минске. В Японии компания «Ямаха» имеет технологию разработки акустических параметров, и в большинстве их залов идеальная акустика. Не всегда предсказуема, но временами очень хороша акустика в залах новой Астана-оперы, в Центральном концертном зале «Казахстан», в концертных залах Караганды, Павлодара, Усть-Каменогорска, Петропавловска... Конечно, не всегда акустика бывает идеальной, но именно здесь кроется феномен – в особых творческих состояниях артиста и зрителя, на особо вдохновенных концертах мы можем наблюдать невероятный эффект звучания, который не уступает самым высоким требованиям и превращает музыкальное действие в настоящий факт искусства.

ПРОФЕССИЯ – ИГРА

Вчера ночью посмотрела часть фильма «Женщина-кошка». Никогда прежде не видела. Фильм про то, как героиня Хэлли Берри периодически превращается в кошку, и как поначалу ее пугает то, что с ней происходит. И именно в этот день меня не покидала мысль о том, что когда я готовлюсь к концертам, то со мной также происходят некоторые изменения, похожие на те, что переживала героиня фильма. Нет, конечно, я не летаю и не дерусь, как голливудская звезда, но, однако, на полном серьезе сижу за роялем и перестраиваю свои движения руками, пальцами, корпусом, мышцами живота, плеч и т. д., чтобы приобрести «звериную» хватку, обострить все ощущения в кончиках пальцев, а точнее, в их нервных окончаниях. Я пытаюсь пробудить замершие в обычной жизни природные инстинкты, активизировать быстроту реакции, скорость психических процессов,

умение быстро переключаться в калейдоскопе эмоциональных переживаний или стремительно сменяющихся видов фортепианной техники.

Не знаю, что происходит с другими музыкантами, обычно об этом не принято рассуждать – процесс глубоко индивидуальный. Но мы все знаем, что самое главное – удержать баланс между эмоциями и холодным расчетом, необходимым для того, чтобы держать в голове общую форму произведения обычно продолжительностью 40-50 минут, все ноты, указания по динамике, по штрихам, по ритму и т. д. Например: в эпизодах с большим эмоциональным наполнением, особенно сильных и страстных, руки бессознательно начинают делать большие движения, летать над клавиатурой, форсировать напряжение! А этого ни в коем случае делать нельзя, потому что сразу отражается на звуке, получается грубое прикосновение, страдает точность технического воплощения. Но в случае, если слишком много контроля, исполнение не затрагивает душ слушателей, которые приходят на концерт за эмоциями, сильными энергетическими импульсами!

* * *

Подготовка к концерту – очень концентрированный интеллектуальный процесс, а на сцену ты должен выходить так, как будто то, что предстоит исполнять, звучит впервые не только для слушателей, но и прежде всего для тебя самого. Ты, как ребенок, должен изумляться вновь открывшимся звукам, картинам мира, буйству стихий, бесконечности пространства и времени! Действительно, ты готовишься пережить особое состояние, когда, находясь в большом зале вместе с публикой, невольно изменяешься, чтобы суметь направить колоссальные звуковые потоки и музыкальные вибрации прямо в зал.

Если концерт удался, слушатели и зрители просветляются, облагораживаются, ощущают возвышенное состояние, потому что это заложено в большинстве произведений нашего классического репертуара. Иногда случается, что концерт не

удался, и тогда остается только пожалеть слушателей – зачем потратили время? Но большое искусство связано с большим риском, и часть его невольно принимает на себя публика...

Как много в моей профессии игры в прямом и переносном смысле слова! Сцена требует, чтобы трудности преодоления оставались за кулисами. Зрители хотят видеть блеск, легкость, непосредственность, ощущать беспредельные возможности артиста! Но тот, кто сидит в первых рядах, может видеть чаще всего спрятанное от посторонних глаз напряжение артиста в ручейках пота, во взгляде, в тоне мышц и так далее. Мои друзья часто мне говорят о том, что на концерте я совсем другой человек. Наверное, потому, что в обычной жизни редко встречаются такие переживания, такой эмоциональный заряд, какой заложен в великих произведениях классиков. Так интересно увидеть и услышать, как еще только зарождается явление, скрытое, непроявленное, но уже растворенное в музыкальных интонациях. Это знание, конечно же, проецируется и на жизненные ситуации, или наоборот – знание и опыт жизни помогают проникать в сущность и смысл музыкальных сочинений. Музыка ясно отражает через свои формы наш мир, наши вопросы и надежды, наши чувства, конфликты и события, и тогда это просто надо знать, чтобы восприятие было наиболее объемным. Если мы задумываемся о жизни, то в музыке можно найти столько аналогий, совпадений с манерой мыслить и чувствовать композитора и его современников! Великая музыка преодолевает границы стран и эпох, она наш проводник в освоении бескрайнего непознанного мира.

* * *

Так я могу рассуждать, когда необходим настрой на концертное состояние, которое так отличается от обыденного, мерного течения жизни. Творческие люди (конечно же, не только в искусстве) привыкают к адреналину, стрессу профессии и готовы ради этого на любые преодоления. Сразу как-то уходят вдаль тревожные мысли о сложной и взрывоопасной обстановке в мире, о кризисах и нестабильности, о судьбе музыкального образования... Да мало ли что может наполнять наши обеспокоенные временами головы! И вполне может быть, что только музыка, вообще искусство, удержит хрупкое равновесие мира. Как говорят мудрецы – она нам для этого и дана...

ОДНИ И ТЕ ЖЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЮДИ СЛУШАЮТ БЕСКОНЕЧНО

Парадокс классики состоит в том, что одни и те же произведения люди готовы слушать и слушать бесконечно в разном исполнении. Казалось бы, одно и то же произведение, одни и те же ноты, один и тот же инструмент, одни и те же акустические возможности, но у разных исполнителей звучание рояля и произведения абсолютно разные. Вот, к примеру, гала-концерт или конкурс пианистов. Сцена одна, инструмент один, мы, зрители, в одном и том же состоянии, но от разных исполнителей получаем разное впечатление, как будто звучат совершенно разные произведения. И это все потому, что у каждого артиста-исполнителя есть своя картина мира: подобно поэту, каждый по-своему ищет «союза волшебных звуков, чувств и дум», и эта разница и есть самое интересное в искусстве!

* * *

Нам – музыкантам, педагогам, студентам почему-то вечно не хватает времени. Педагоги строго спрашивают у студентов: «Сколько ты занимаешься в день?» И если слышат, что пять-шесть часов, бывают очень довольны. А чем занимается и как занимается в это время студент, нам не дано узнать. Часто многие жалуются, что они чрезвычайно заняты.

Когда я училась в Московской консерватории, у меня было очень много времени, и потому я могла заниматься по двенадцать часов. Как проходили эти часы занятий? С утра пораньше занимала класс, потом немного спала, опустив голову на клавиатуру, просыпаясь, начинала играть. Это довольно комфортное занятие, за ним можно просиживать пять, шесть, десять часов. Играем, предположим, разные произведения. Соната идет примерно полчаса, одна часть – пятнадцать-двадцать минут. Затем начинаем проигрывать этюды. Мы привыкли их проигрывать подряд – несколько раз в медленном темпе. Представьте, сколько уходит времени на Баха, если учить целую программу! Как вы понимаете, одно проигрывание ничего общего с занятиями не имеет. Однако проходит два-три часа, человеческий организм утомляется; поэтому ученики часто сидят в полусонном состоянии. Получается, что мы только «как бы» занимаемся, а на самом деле это не занятия, мы просто проигрываем программу от начала до конца. Обычно начало произведения в основном бывает приличным, но как только встречается сложное место в музыке, мы, не справившись, бросаем его и начинаем играть снова с самого начала. На это и тратим свое драгоценное время – знаю из собственного опыта.

Очень редко у студента или ученика бывает осознанное отношение ко времени. Зачастую настойчиво добиваешься, отрабатываешь, «долбишь» на уроке какой-нибудь эпизод, а ученик или студент на следующем занятии играет то же самое, как будто и не было никаких предложений или замечаний педагога, как будто он ничего не слышал, что ему говорили. Это значит, что не умеет дома заниматься по-настоящему, не анализирует критически свою работу.

Что такое «целенаправленные занятия»? Это работа над тем, что не получается – не избегание проблем, не попытка от них отвернуться и перейти к приятному проигрыванию эпизодов, и так идущих неплохо, а наоборот, самокритичная и трудная работа над ошибками. Как говорят японцы, «избегай излюбленных удовольствий, обращай к неприятным обязанностям». Другой дороги к успеху пока не нашли...

В идеале человек должен видеть, ступенька за ступенькой, свой процесс обучения с первого дня, когда начинает разучивать произведение, до последнего дня, когда он выходит на сцену его исполнять. Но где же, где же наши идеалы!

Сколько раз замечала: учишь полгода какое-то произведение, а оно не получается, а другое за три дня осваиваешь, потому что надо было уложиться в этот срок. Как правильно кто-то сказал: нет слова «не могу», есть слово «не хочу». И когда мы не успеваем что-то выучить, значит, мы не очень сильно этого хотели, для нас это было не так важно. Вот, например, к концертам в Европе я готовлюсь с большей ответственностью, поэтому и занимаюсь с повышенной концентрацией – так уже сложилось (бессознательно чувствуешь, что для европейского слушателя классический репертуар – известный, привычный, да еще и связанный с интонациями собственной народной музыки). Это не значит, что в

таких случаях у меня больше времени, но явно выше результативность. Но самое сложное – играть в Алматы. Все знают, сто раз слышали, каждый раз ждут чего-то нового... А еще... в любой момент перед концертом могут вызвать по телефону, прийти с проблемой, – легче сыграть десять концертов за рубежом, чем один в родных стенах!

Наступает момент выхода на сцену, когда в конце концов играешь, и в общем потоке музыки все превращается просто в калейдоскоп образов, состояний, эмоций... Иной раз приходится себя контролировать, когда как бы удерживаешь себя, чтобы не улететь... Конечно, одно музыкальное состояние переходит в другое либо резко, по контрасту, либо наоборот, в процессе постепенного развития и трансформации. Характер звучания меняется или сразу, или постепенно, так же как и динамика, и если музыкальные события приводят к какому-то нагнетанию энергии, то неизбежен и ее спад. В музыке всё совершается во времени и через время, и потому оно – очень ценный ресурс, главный источник создания формы произведения. Если потратил какое-то количество времени на «остановки», наблюдение, любование красотой момента, то должен уметь обязательно вернуть потраченное в другом месте формы, чтобы восстановить баланс...

Есть такое выражение: «язык музыки универсален, потому что это язык сердца». Что такое язык сердца? В последнее время замечаю, как часто люди, даже не вникая в смысл сказанного, больше воспринимают интонацию, с которой высказаны слова. Это значит, что они воспринимают сердцем, они верят глубине, выразительности этой интонации. И музыка так же, безо всяких слов, воспринимается языком интонации, языком каких-то абстрактных ощущений.

Стилевые и жанровые различия музыкальных сочинений, время их создания (а классика это в основном XVII–XIX, начало XX века) по большому счету, на самых высоких уровнях исполнения перестают иметь значение. Так или иначе это всё различия в технике композиции, в построении формы и внутреннем сюжете произведения, но независимо от этих различий все они говорят о человеке, о его душе, надеждах и стремлениях, о переживаемых им драмах и трагедиях, о встречающихся в его жизни радостях и легкомысленно-беспечных моментах – словом, они говорят о человеке и мире, который его окружает. И, казалось бы, эта общая и не слишком конкретная тема, эти общие ценности давным-давно должны бы наскучить, но нет – каждый раз волнуют! У нас начинает учащенно биться сердце, как будто музыка говорит о каждом из нас, о наших переживаниях и сомнениях, о наших поисках покоя и счастья, порой безуспешных... И само собой возникает очень сильное чувство вдохновенного восторга, даже если музыка печальна и не располагает к веселью – и тогда становится ясно: что-то важное и бесконечное всех нас сильно объединяет, как будто мы все вместе прикоснулись к божественной истине, к мировому источнику красоты...

* * *

Как это часто случается в нашей жизни, я катастрофически опаздывала на самолет. Суета сборов, пробки на дорогах, всеобщая нервозность в атмосфере, слишком яркое весеннее солнце... Все было доведено до крайности, и, казалось, вот-вот что-нибудь лопнет, треснет, разрушится, взорвется. И вдруг, сквозь

надоедливый уличный грохот, начинает едва слышно проявляться звучание барабанщика, а через несколько секунд – звучание кларнета, возвещающая о начале «Болеро» Равеля.

Я подумала: «Если повезет и я успею, то буду слушать любимую музыку всю дорогу. Если нет – она закончится на последней четверти дороги». Решила следить за дорогой и музыкой одновременно. Путешествие было удивительным! Пока мы находились в черте города – а это заторы, сигналы автомобилей, водители, маневрирующие и желающие проскочить, – музыка развивалась медленно, спокойно, голос нежно пел, такой равнодушный к суете за стеклом автомобиля – как бы призывал к переходу в другое состояние, противостоял напряжению. И скоро стала восстанавливаться душевная гармония – мысли, организм упорядочились.

Как это часто бывает в искусстве – существование в двух параллельных мирах ...

После некоторого освобождения дороги, при увеличении скорости автомобиля музыка стала набирать силу, ручейки мелодий объединялись в более широкие потоки, и дорога стала обнаруживать глубинную связь с землей, небом, деревьями, душой. Взгляд на подробности моей тогдашней ситуации изменился, мне удалось отвлечься от тревожных мыслей, и стал проясняться истинный смысл бытия.

Вот какова сила музыки! За 16 минут дороги в аэропорт, – а последний торжественный аккорд «Болеро» прозвучал при открытии шлагбаума перед портовой площадью, – основной смысл и полная картина жизни проявились с исчерпывающей ясностью. Как прекрасен этот мир!

МУЗЫКАНТ И ОБЩЕСТВО

2016 год. Готовлюсь к очередному концерту в Астана-опере, и меня пронзает: подготовка концертной программы – чистейший Лин-процесс (Лин или Кайдзен – концепция управления, при которой основной упор делается на непрерывное совершенствование и устранение потерь).

Начну, прежде всего, с экономии движений рук при игре на инструменте. Если ты не найдешь максимально точное соотношение подъема-спуска пальцев на клавиатуру, тебе не справиться с большинством аккордов, интервалов и виртуозных пассажей. У больших пианистов движения пальцев практически и не видны, как будто ничего не происходит и все очень легко. На самом же деле, понятно, сколько в их игре в высшей степени тонкого расчета, достигаемого напряженной аналитической работой, с применением законов механики, физики, математики. Но ведь экономия, рациональное использование ресурсов – универсальное средство; подскажите, где оно могло бы быть лишним?

Чтобы развить противоположные качества человеческой психики – рациональность и эмоциональность, нужно суметь разделить работу собственного мозга для контроля и сохранения необходимого баланса, а в то же время для интенсивного движения вперед. Так и в организациях: как часто структура и привычная форма жизнедеятельности тормозит и не дает развиваться, – но без правильного баланса контроля и свободных, творческих действий, без сдержек и противовесов любое учреждение существовать не может. Внедренные на уровне коллективной работы, эти качества могли бы усилить так нужные нам всем скорость и эффективность большинства процессов.

Музыкант, выходящий на сцену, обязан обладать системным мышлением. Построение формы и передача смысла произведения без понимания артистом важных и второстепенных моментов процесса объективно невозможны. Но их так трудно разделить, и есть ли в исполнении второстепенные моменты? Другое дело, что они подчинены главному, это главное управляет всем процессом исполнения, и все детали в игре хорошего исполнителя сами ложатся на свои места, подчиняясь целому. Исполнение не состоится, если баланс главного и второстепенного нарушен, и коротко рассуждать об этих тонких материях очень сложно. Также любой коллектив нуждается в стратегических приоритетах, планах развития, согласованных тактических действиях.

Если «давишь» на клавиши или ударяешь по ним, звук становится более приглушенным, грубеет, теряет благозвучие и смысл. И наоборот, делая вертикальное движение руками от клавиши вверх, извлекая звук, как бы освобождая его, получаешь глубокий, объемный, летящий звук! Не напоминает ли этот процесс, сугубо инструментальный, наши коммуникационные теории, принципы? Всякий коллектив мечтает о свободе самовыражения, свободе от диктата нерадивого руководителя любого уровня ответственности...

Очень много можно рассуждать в этом направлении, и тогда понимаешь, как различные и часто противоположные сферы деятельности живут по общим законам, а мы не замечаем этого, не имея возможности наблюдать за нашей жизнью с более высокой точки зрения, когда наблюдение, мышление и обобщение становятся неразделимыми... У меня, в силу профессии, большого количества партнеров, друзей, личного любопытства, а также потребности находить общее во многом, получается встречаться с множеством примеров, подтверждающих эту простую... или сложную мысль. Я всегда думаю о могучей силе музыки в исследовании законов мироздания и всего нашего бытия.

С такими мыслями и чувствами подхожу к своему концерту. Наверное, это бывает, когда смешиваются две противоположные сферы деятельности. Перед концертом стремишься укрыться от окружения, становишься молчаливым, одиноким, угрюмым... Но будучи руководителем вуза, который проходит в это же время международную аккредитацию, организовывает по вечерам сказочные концерты большого пятидневного фестиваля, конечно, не можешь себе этого позволить.

Вот такое запрограммированное раздвоение личности!

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К МЕЧТЕ

2018 год. Есть у человечества роскошь воплощать свои мечты! Кто-то способен своей мечтой поворачивать ход истории, менять эпохи... а у кого-то они небольшие, локальные, но от этого не теряют своей прелести и притягательности.

Однажды встретились мы с композитором-аранжировщиком Ренатом Гайсиным, музыковедом Раушан Джуманиязовой и дирижером Канатом Омаровым, чтобы обсудить мою многолетнюю мечту – сделать из любимых казахских песен произведения для симфонического оркестра и хора, чтобы проявились истинная мощь, красота, значительность с детства знакомых мелодий. Ведь у каждого в памяти есть эти песенные интонации, которые отражают что-то непередаваемо родное и щемящее – задевают «сердцевину» национальной сущности... Мы пели – классическая пианистка и композитор-эстрадник часа три подряд, на-

поминая друг другу эти песни, радуясь, как дети, как бы возвращаясь к своим общим истокам...

Сказано – сделано! Начали поиск композиторов. Оказывается, не так все просто! И совсем не зависит от желания получить заказ. В стране до сих пор хорошо развивалась сфера легкой для восприятия, развлекательной музыки; видимо, в наше напряженное время в этом нуждаются больше всего. А нам-то, профессионалам, требуется совсем иное! Нам нужно, чтобы ощущалось симфоническое мышление, присутствовала серьезная техника композиторского письма, проглядывала глубина личности. Вместе с тем, это не современные классические партитуры, которые без специальной подготовки и не воспримешь. Нужно, чтобы эти новые аранжировки были узнаваемы своей уникальной интонацией, стали бы своеобразным «продуктом», а потенциал и масштаб казахских мелодий стали бы доступны и интересны всему миру.

Задача амбициозная, увлекательная!

Некоторые композиторы отказались сразу, несколько партитур подверглись значительным изменениям, четыре партитуры из двадцати – всё еще в творческом процессе...

Но нам удалось открыть для себя имена «гениев» или очень многообещающих авторов. Какая-то из мелодий соединилась фантазией творца с хоралом Баха, народная песня из глубины веков с мелодией современного композитора; одна из песен изложена в манере Астора Пьяцоллы... Большинство народных песен, которые я обожаю, медленные и грустные, как и горестная история народа, и поэтому мы добавляем в программу концерта современные, более оптимистичные и энергичные композиции...

Чтобы не писать сразу обо всех моментах подготовки проекта – а это взаимодействие с оригинальными и знаменитыми солистами, со всеми участниками концерта, дизайнерами сцены, мастерами по свету, звуку и т. д. – знатокам известно, как это, мягко говоря, непросто... – буду рассказывать обо всем по мере продвижения этапов проекта.

А прежде чем у нас появились неизбежно следующие за мечтой творческие «муки», мы заручились пониманием и поддержкой столичного акимата, «креативного и дружественного культуре» Асета Исекешева в рамках празднования 20-летия Астаны.

КАК РАБОТАЕТСЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ?

Вот так. Ты приходишь к композитору, аранжировщику, дирижеру, солистам, а позже к дизайнерам, мастерам по свету, по звуку, по съемкам и... начинаешь делиться своими неопределенными ощущениями, мыслями, идеями и фантазиями. Свое состояние брожения пытаешься уточнить жестами, устремлением взоров к небесам, подбором слов, которые не всегда могут выразить желаемое...

А теперь представьте: то же самое происходит внутри другого творца, который должен поддержать твою идею и еще более развить ее, и чтобы вы нашли общий язык для совместного творчества и единую дорогу к результату! Невозможно! – кажется на первый взгляд. Какие бесконечные вселенные внутри каждого из нас! Иногда они мешают поиску общего знаменателя... Но вот дедлайн наступает, и

нужно принимать решение: отсекать все лишнее, выбирать лучшее или единственное, отойти от некоторых первоначальных задумок и принять сложившиеся возможности.

На сегодня: композиторы сделали свои электронные макеты, теперь их нужно оживить, в ходе репетиций добиваться лучшего звучания. В этом участвуют около 150 музыкантов разных направлений одновременно из Алматы и Астаны: оркестр, хор, их руководители, солисты-инструменталисты, солисты-вокалисты, ритм-группа и т. д. Итак: Ренат Гайсин, Данияр Бержапраков, Шырын Базаркулова, Илья Башкатов, Канат Омаров, Ернар Нуртазин, Берик Батырхан, Гульмира Куттыбадамова, а также Галымжан Молданазар, Жубаньш Жексенулы, Шаба Аденкул, Меир Байнеш, лучшие музыканты-инструменталисты Казахстана, но всех не перечислить...

В это же время другие «носители» своих вселенных разрабатывают сценарий, дизайн и «одежду» сцены, рекламу, афиши, видеоролики, информационные тексты, пресс-релизы, договоры с залом, с артистами, подрядчиками, техническими службами и др. О них обычно говорят «мозг проекта», то есть те, кто ответствен также за всю логистику, рекламу, – арт-менеджеры Анна Зеленцова, Марина

Ожерельева, Нарина Рамазанова, девушки, обладающие колоссальным опытом организационной работы. И тут наступает время для неизбежного вопроса: а кто у вас главный режиссер? Спрашивают наши дружественные партнеры: телережиссер Лев Мариупольский, художник по свету Дмитрий Карабецкий, звукорежиссер Дмитрий Синельников.

С нашим режиссером мы никак не могли определиться все эти годы; поэтому... сами себе режиссеры! Как-то привыкли все делать сами и умеем прислушиваться к разным советам и делать выводы... Скорее всего, режиссеров будет несколько: Раушан Джуманиязова – музыковед, художественный руководитель «Радио Классика», которая знает всю «партитуру» проекта с самого начала, провела большинство переговоров с «творцами», и Анна Зеленцова с Мариной Ожерельевой, которые разделят разнообразные обязанности по проведению самого концерта. И почему бы им не быть командой режиссеров, когда в разные годы

они уже пробовали себя на этом непростом поприще! Они, правда, об этом еще не знают, поскольку находятся на разных континентах: одни – в Алматы, другая – на фестивале современной музыки в Кельне, а я в Ханое на международном конкурсе пианистов только что это придумала!

Мечты или идеи, родившись в голове одного человека, начинают расти и распространяться среди многих; и вот уже, как будто всегда так и было, продолжают жить своей объективной и самостоятельной жизнью! (Ну как прекрасно играет на рояле молодежь из Азии, пока я пишу – слов нет! Пять тысяч лет культуры на генном уровне – никуда не денешься!)

В Казахстане меня часто спрашивают, особенно после концертов: «Как ты играешь без нот, да еще так долго?» Правда, это для многих музыкантов непреодолимая планка: выход на сцену концертного пианиста, играющего обычно без нот, – сильное нервное потрясение, и не все его выдерживают; если не очень острый природный слух, то тогда сложно удержать в памяти всю гармоническую и смысловую структуру; если имеются природные проблемы с координацией, то становится сложно справляться с виртуозными эпизодами; много и других параметров, делающих профессию пианиста одной из самых экстремальных в мире...

Вот я готовлюсь к гастролям во Франции, Австрии, Германии и Польше с камерной программой: это сложнейшие трио Ф. Шуберта, виолончельные сонаты Ф. Шопена, Э. Грига, скрипичная соната М. Равеля, сюита А. Шнитке, хиты А. Пьяцоллы в дуэте с аккордеоном, хоралы И. С. Баха, Ц. Франка, этюды Шопена... Считается, что камерный репертуар легче и приятнее, чем сольный. Ноты перед глазами, кто-то обязательно помогает переворачивать страницы, играешь в компании с партнерами – совсем не так страшно, как исполнение соло, когда ты выходишь на сцену, как в клетку с тигром...

И что? В очередной раз убеждаюсь – и здесь свои трудности!

Ты должен играть синхронно с партнерами. Очень простая мысль, но на деле означает, что должен вступать со своими репликами, пассажами на микроскопические доли секунды раньше, чем хочешь, иначе будет поздно!

Ты должен уметь играть в настоящем времени и месте, а смотреть на последующие такты в нотах, чтобы быть заранее готовым... быть как бы здесь и одновременно в будущем!

Ты должен быть дирижером, ведущим для других партнеров – такова роль пианиста в ансамбле – твоя возможная нестабильность и слабая воля разрушают структуру музыкального действия.

Ты чувствуешь себя как на минном поле – одно неточное размашистое движение, и это слышно как «грязь».

И, наконец, бывают особо виртуозные эпизоды, когда при быстром темпе смотреть в ноты нереально, и тогда ты должен мгновенно переключать диаметрально противоположные участки мозга, которые отвечают как за исполнение без нот, так и за игру по нотам. Такой «мозголом», если можно так выразиться!

А сколько еще опасных рифов, порогов, нештатных ситуаций, героизма, отваги тебя ожидает в, казалось бы, таком мирном и даже скучноватом, в представлении обывателей, жанре как камерная музыка! Только небольшая часть человечества понимает, какие в этой музыке скрыты сокровища духа и красоты!

А поэтому нам, исполнителям, которых в свое время научили этому «кайфу» – полнейшее удовольствие, радость и счастье! И главное, нет никаких «понтов»! Все настоящее...

ДУХОВНЫЕ НАСТАВНИКИ

...Шопен! Он будто весь сомневающийся, в его гармониях – особая чувствительность, нежность, печаль и жалость. Как будто он хочет что-то выразить, но не высказывается до конца, поскольку продолжает сомневаться, ищет какие-то дополнительные пути... Сколько в его произведениях, в его сказочных паузах невыразимого, многослойного! Шопен – это всегда очень хрупко, не для большой массы, его музыка как будто обращается к каждому сидящему в зале. Неслучайно на хороших концертах Шопена бывает такая потрясающая тишина. На своих шопеновских концертах иногда я видела людей, подходивших ко мне со слезами на глазах – видимо, какая-то мелодия, особенно трогательная, печальная, задела душевные струны этого человека.

Большая часть публики во время концерта следит за игрой форм, в которых так много разного и как бы взаимоисключающего, противоречивого, но на самом деле все шопеновские мысли, как бы ни были контрастны, очень хорошо между собой сочетаются. Станным образом изящество и хрупкость не мешают у него строгой логике и ясности формы. Это так же, как у Баха – великое чувство в математически выверенной формуле. Высокому человеческому духу удается создать нечто такое, что с точки зрения обыденного сознания создать невозможно. Поэтому у Шопена, с одной стороны, мужественность, с другой – нежность, неопределенность, неустойчивость. Сочетание двух таких состояний – активности и одновременно деликатности – самое интересное!

Переходы от меланхолического состояния к активно счастливому и уравновешенно ясному типичны для произведений искусства, будь то музыка, литература, театр, кино. Состояние меланхолии и грусти естественно для человека. И почему-то людям нравится переживать это чувство всем вместе. В одиночестве – нет. А совместное переживание чувства кажется таким привлекательным! Стремление унести в «сказочные чертоги» также свойственно человеческой душе. И это тоже приятно испытывать вместе со всеми, когда каждый находит для себя что-то неповторимое в атмосфере всеобщего! Я играю побочную партию какой-либо сонаты и наслаждаюсь ощущением комфорта, покоя. И в других восхитительных эпизодах музыки, которые особенно увлекают, исполнение в присутствии слушателей становится в сто, тысячу раз усиленным, чудесным переживанием.

* * *

Брамс. Всегда была очень расположена к этому композитору. Потому что люблю рассуждать, анализировать, сама себе ставить вопросы, открывать какие-то истины. Брамс – кладезь человеческой мудрости. Ему удается без излишеств, без особого фортепианного блеска, без удовольствий от богатой фактуры рояля говорить о самом-самом важном для меня, но, наверное, и для всего человечества, хотя оно такое многообразное.

Раньше думала, что всем нужно одно и то же: душевный покой и уют, уважение сограждан, близкие люди рядом... Сейчас я понимаю: одним нужно одно, другим

– абсолютно противоположное. Сколько людей – столько пожеланий. Для меня же в музыке Брамса важно чувствовать благородство, достоинство, сдержанность, по-настоящему взрослую серьезность. Но серьезность не в смысле «синего чулка», а в смысле искреннего стремления к идеалу: ведь Брамс – романтик. И при этом у Брамса много юмора, но над важными вещами он не шутит, как будто страшится, что наступит такое время, когда всё обесценится, потеряет смысл и ничего святого не останется. Рыцарственный и романтический, он будто предчувствовал, что такаа угроза вполне реальна, и на наших глазах пусть не всеобъемлюще, пусть не везде и не всегда, но скепсис и неверие завладели целыми народами...

Считается, что произведения композитора рассчитаны на взрослых исполнителей. Детям и начинающим музыкантам его не дают – они в нем ничего не понимают. Так что я благодарна моим друзьям, которые несмотря на мою неопытность еще в период учебы в Московской консерватории привлекли меня к Брамсу, открыли для меня этого композитора. Мы постоянно слушали его симфонии, сонаты, камерные сочинения... Это такая красота чувств, такая сила интеллекта и ясность формы, и все это так органично и естественно, что противоположности и впрямь составляют особое единство! Причем мы понимали, что, с одной стороны, это классик, а с другой он абсолютно современен. И вместе с тем старомодно романтичен, но его старомодность особого рода, без всякого музейного налета. Знаю, что некоторые музыканты не согласились бы со мной, у Брамса многие находят чуть ли не баховские интонации и мотивы, но это оттого, что Брамс – вневременной автор, в нем уживаются прошлое и настоящее, и я бы сказала, вечное. Удивительно, что они ничуть не мешают друг другу, что кажется мне особенно интересным. А еще – высокая позиция, высокий дух, особая человеческая порода. Мне важно, что в произведениях Брамса я чувствую, как и миллионы других людей, личность единомышленника и близкую душу. Для меня Брамс самодостаточен, он занимает свое исключительное место в моем сердце как самый родной для меня человек.

Да разве один Брамс такой? Классики уже устоялись во времени, они все – высокой пробы. Так что у нас, пианистов, нет проблем с репертуаром. Восторженные слова, сказанные мною о Шопене и Брамсе, могу сказать и про Бетховена и Моцарта, Баха и Шумана. Не устаю восхищаться музыкой Листа, Шуберта, Равеля, Шостаковича, Прокофьева, Рахманинова, Чайковского. Всех не перечислишь...

Весь круг наших авторов – это души людей возвышенных, преисполненных Добра и Красоты – да простится мне этот высокий стиль... И для того, чтобы с ними общаться, поднимаясь до их уровня, чтобы соответствовать им, исполнение должно быть не ниже того, что они задумали. Если этого нет, то и браться не имеет смысла. Поэтому очень часто слышишь: «Бедный Шопен или бедный Брамс, что с ними творят?!» В таких случаях звучит, естественно, их музыка, но она и близко не соответствует задуманному композитором. А бывает и наоборот: некоторые исполнители даже не очень глубокую музыку могут приподнять на небывалую высоту. Все, конечно, относительно... И не только во Вселенной, но и в нашем искусстве тоже.

Сколько бы я ни общалась с великими композиторами, особенно с моим любимым Брамсом, никогда не устану удивляться возвышенному строю его чувств, который открывается в каждом его сочинении. В такие моменты при-

ходит ностальгия по несбывшемуся: вот как должно быть в жизни, чуть ли не как у Чехова, который то ли иронически, а то ли всерьез мечтал о человеке, «в котором всё должно быть прекрасно». А мы? Что мы переживаем, о чем думаем, как поступаем... музыка классиков звучит для нас как возвышенный пример, а композиторы – своего рода духовные наставники. Конечно, это звучит высокопарно, но мы стремимся к такой правде... Потому что не станешь же ты играть Брамса и в то же время делать что-то ужасное, впадая в семь смертных грехов и нарушая десять заповедей. Это как же нужно к себе относиться, чтобы, общаясь с такой красотой, вдруг – раз! и впасть в такое уродство.

* * *

Рахманинов. Нельзя сказать, что в ранние годы я много играла Рахманинова. Это тот композитор, к которому приходят в подростковом возрасте, в четырнадцать-пятнадцать лет. Тогда музыка Рахманинова воспринимается как особое откровение. В его музыке открывается огромный мир сильных эмоций: романтических, полетных, брызжущих радостью или погружающих во вселенскую печаль. Впоследствии я играла много произведений Рахманинова – прелюдий, этюдов, концертов. И несмотря на то что я от души восхищаюсь его музыкой, всё же не могу назвать его полностью «моим композитором». Скорее, это заслуга моих педагогов, если его сочинения в моем исполнении находят отклик у публики. Я часто играла концерты Рахманинова, которые публика всего мира приветствует стоя; почти все его прелюдии были моими хитами, а Ми-бемоль-минорный этюд стал одной из составляющих моего парижского конкурсного успеха. .

Многие взрослые музыканты считают, что Рахманинов – молодежный автор, потому что у него огромная масса нот, очень густая и сложная фактура, как будто он собирается заполнить собою весь мир. Кажется, что можно было бы меньшим набором средств добиться того же результата, хотя можно ли в искусстве разделить цель и средства? И можно ли иными средствами добиться того же эффекта?

Конечно, с возрастом грандиозность и широта рахманиновской музыки кажутся чуть ли не проявлениями подросткового максимализма, но все равно его невероятно приятно играть. Будучи величайшим пианистом XX века, он прекрасно чувствовал фортепиано: в его фортепианном почерке – абсолютная ясность и гармония. Его роскошный пианизм завораживает, отражаясь в фактуре его сочинений: для многих они недоступны именно из-за сложности композиторского письма, музыкально ясного, но часто неисполнимого технически.

До поры до времени, пока играешь Рахманинова сам, кажется, что все правильно и естественно. Когда же начинаешь слушать исполнение коллег, понимаешь: нет, это их Рахманинов, а у меня свой. Цветистая звукопись Рахманинова органично сочетается с его шемящими интонациями, объединяя русскую славянскую культуру с Востоком: у него часто встречаются экзотические звучания, характерные для восточной музыки. В его сочинениях много печальных и даже мрачных, трагических эпизодов, будто предвещающих события русской истории, войны и революции, свидетелем которых он был... Однако финалы его крупных сочинений неизменно оптимистичны. Вообще, композиторы – чудачки, которые всегда верят в торжество добра и света. Для этого и приходят в этот мир, чтобы поддерживать человечество в периоды тревог и отчаяния...

ТРАНСФОРМАЦИЯ

2016 год. Весь год голова заполнена мыслями о трансформации консерватории в соответствие с принятой Госпрограммой. Даже, признаюсь, было не до музыки! Сократила все, что возможно, и очень увлеклась процессом. За это время поняла, что самое трудное, а главное, решающее – самой меняться. Если справишься с изменениями в себе, тогда и все вокруг начнет меняться, утверждают мудрецы... Когда появляется серьезная задача, обращаешься за советом. Постепенно обнаруживается: все, что для тебя в данный момент актуально, волнует и других, и таких немало. Делаешь вывод: ты не одинок, многие заняты аналогичными проблемами. Вдруг начала интересоваться Кайдзен-философией, повстречалась с внедрением Лин-технологий в Казахстане – сын много рассказывал в связи со своей работой. Прочитала выступление Германа Грефа, напуганного организационным и технологическим отставанием России: тревожность такой фигуры не может не влиять на всех, а там и истории про scrum, agile, уже целые правительства переучиваются... Как быть? Все озабочены тем, чтобы сделать процессы унифицированными и одновременно избавиться от формализма, бюрократизма, бессмысленных затрат времени, преодолеть несовершенство законодательства, ограничения инициативы людей... Как ускориться, но не терять качества, как усилить креатив, но сохранить базовые ценности, как внедрить новшества, например, в образовательно-культурную сферу, если наш продукт сложно оценивать количественно, если наше качество пока не имеет материального эквивалента...

* * *

Какое ужасное у нас телевидение! Довольно часто мне кажется, что у нас все постепенно движется, развивается, во всех областях очевиден прогресс. Но иногда... приходится встречаться с такой неприглядной реальностью, как

наше телевидение. Как будто бы оно составляет важную часть жизни для всех: все мы его периодически смотрим, оно имеет большое влияние на людей, так много значения придает ему государство, столько средств выделяется, а качество некоторых программ просто катастрофическое! И бесконечные разговоры о недостаточном финансировании, о нехватке специалистов – все это слова, которые ни к чему не приводят. Предполагаю, что наше телевидение обречено на то, чтобы нас разочаровывать. Маленькая по населению страна должна либо мириться с откровенно низким уровнем и просто не смотреть родное телевидение, либо честно отказаться от вала чужого некачественного контента и тоже его не смотреть... Так можно и вовсе без телевидения остаться, что, конечно же, не радует...

Такого рода «экстремистское настроение» посетило меня после того, как увидела очередной анонс программы со своим участием. Если я отвечаю за то, что произношу, то я абсолютно беспомощна перед тем, как меня показывают; беспомощна так же, как и все, кого приглашают на наше «бедное» телевидение. Порой элементарно не могут нормально поставить освещение, чтобы потенциальный телезритель, случайно попав на канал, не отшатнулся в ужасе от чудовищной картинки! Не будучи специалистом в телевидении, я и то понимаю, что среди множества мировых каналов зритель автоматически выберет приятную и динамичную картинку, а если повезет, может и задержаться на передаче. А так?! Прямо руки опускаются и начинаешь думать, что у казахского телевидения не слишком много шансов с таким качеством демонстрации, ну разве что у некоторых новостных программ. Смотреть бесконечные казахстанские копии купленных зарубежных программ – совсем безнадежно. Нет просвета!..

А продолжение истории следующее. Вечером я все-таки решила посмотреть эту передачу, чтобы ощутить сполна свое отчаяние или втайне надеюсь, что, может быть, не так уж всё страшно. Мои переживания были напрасны – передача была вполне сносной, освещение – терпимое, содержание – неплохое. Пришлось сразу позвонить редактору, чтобы извиниться и постараться забрать обратно слова, которые я с утра наговорила после просмотра анонса передачи в Интернете. Жизнь снова наладилась, надежда на культурный прогресс страны укрепилась...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Последнее время хожу и мучительно размышляю, перебираю мысли об образовании, которые уже много лет живут в голове, прочитаны в книгах, выслушаны на собраниях, дискутировались в форумах, в сетях, в разговорах с коллегами. Отчего мы так бесконечно страдаем, когда думаем об образовании, почему нас так качает из стороны в сторону, почему наши усилия не приносят результатов, а если и приносят, то очень небольшие?!

Ведь очевидно, государство держит вопросы образования под неустанным контролем, так же, как и весь мир или его наиболее продвинутые страны. Мы думаем о нем очень серьезно, провели много тысяч симпозиумов, конференций, коллегий, встреч. Общественность не на шутку встревожена, стрелы критики несутся со всех сторон, реформируется все, что только имеет какое-либо отношение к процессу... Почему мы продолжаем быть недовольными – ведь результаты общих усилий имеются, активные действия не прекращаются, по крайней мере, за

последние десять-пятнадцать лет наша материальная база значительно возросла, внешние и внутренние формы процесса, его содержательная часть кардинально видоизменились?!

Если опустить перечисление бесконечных вопросов и проблем, которые нас сопровождают в сфере образования, то важно выделить два из них, о которых мало говорят, а если и говорят, то не придают особенного значения, не прислушиваются, отмахиваясь как от банальных жалоб. Первое: Личность учителя. Все говорят о статусе учителя, достойной зарплате, создании достойных условий труда – это само собой разумеется. Но мне хочется акцентировать внимание на моральном и эмоциональном самочувствии сотен тысяч педагогов на разных уровнях образования от детского сада до университета, от которых мы требуем измениться, чтобы учить и воспитывать новое поколение людей. Ведь нам кажется, что если будем понимать, каким должен быть образ учителя в идеале, то он рано или поздно в результате переобучения, тренингов, курсов усовершенствования придет к искомому результату, станет творческой креативной фигурой. Мы заваливаем педагогическую общественность множеством документов, должностных инструкций, конкурсными условиями, рейтингами, новыми формами отчетности, и т. д., и т. п. Одновременно мы сами как руководители жалуемся на вал бумаг, которые вынуждены воспринимать как неизбежность процесса реформ, а усиление бюрократических процедур – как новую реальность, объединяющую нас с миром...

А мы вообще имеем право на вопрос о нашем педагогическом самочувствии, настроении, эмоциях, переживаниях? Ведь создание конкуренции в образовательной среде, когда педагог остается один на один со своими страхами, тревогами, неуверенностью в себе, в своем будущем, означает, что он в принципе психологически не готов к переменам, потому что существует и вынужден работать в подавленном либо апатичном состоянии. Вал бумажных и электронных инструкций оставляет большинство коллективов абсолютно равнодушными к их изучению и тем более к применению. В лучшем случае формально следуют им время от времени. И даже материальное поощрение не спасает: мы уже убедились, что в случае победы в различных конкурсах, соревнованиях, рейтингах награды и премии могут улучшить настроение не дольше, чем на совсем малое время, и не приводят к устойчивой и осознанной потребности учителя постоянно работать над собой, ориентироваться в изменяющейся ситуации.

К счастью, несмотря на то, что мы постоянно отстаем, есть хорошие новости. Все больше и больше появляется исследований, реально помогающих делу, если следовать рекомендациям. Крупные корпорации, имеющие солидную репутацию и заслуживающие доверия, уже успели внедрить научные рекомендации в практику своей работы. Но если наши разговоры о человеческом потенциале – это только слова, а какие-то действия предпринимаются в этом направлении реже, чем хотелось бы или даже вовсе бессознательно и случайно, то примеры положительные и приносящие результаты, которые мы замечаем, но которым не следуем, – не особенно влияют на умы нашего образовательного сообщества.

Почти 30-летний опыт в образовании и культуре позволяет мне высказать пожелания и рассказать о некоторых устойчивых успехах в этом направлении. Прежде всего надо решиться каждой из организаций, а значит и всем вместе, оптимизировать объем и сложность изложения наших законов, документов, ин-

струкций, положений – они все написаны громоздким и запутанным юридическим языком, который недоступен даже профессорам университетов, не говоря уже об учителях и директорах школ. Как известно, сложно сказать намного проще, чем просто и ясно.

Пора остановить прессинг скорости, с которой мы реформируемся: образование – медленный процесс, а в спешке мы уже наломали много дров, потеряли позитивный фон и, не побоюсь этого утверждения, спокойную и благородную атмосферу нашей работы. Откровенно говоря, несмотря на успехи воспитанников родной консерватории, ее какой-никакой национальный статус, я, как ректор, постоянно опасалась угроз со стороны министерства: оно могло лишиться лицензии, отказать в грантах, не дать финансирование для ремонта или покупки оборудования, бросить на произвол судьбы или вообще закрыть... Коммерциализация образования – мировой тренд – воспринимается педагогическим сообществом у нас в стране как грубая рыночная реальность, в которой нет места возвышенным и идеальным устремлениям, а бал правят платные услуги и коммерческая успешность. Как бы все совсем не против прибыли, но совершенно не понимают, как ее получить в наших реалиях. Времени и условий для обучения педагогов, внедрения процессов изменений, для проведения грамотных профессиональных и психологических тренингов в большинстве случаев просто нет, так что эти столь нужные мероприятия попросту не проводятся. Не успев воспринять одно задание, одну ценную директиву, педагога или целый коллектив «бросают» на следующее задание, зачастую никак не связанное с предыдущим, и такой круговорот с постоянным дедлайном «еще вчера» сопровождает нас в течение последних десятилетий.

К счастью, мы на самом деле живучи, как бы нас ни травили; более того, мы медленно, но верно движемся к цели и так же медленно и с трудом, но развиваемся.

Мой опыт работы в консерватории показал, что особое, сложившееся в течение двух десятилетий доброе отношение государственных чиновников и бизнес-сообщества к моему статусу ректора и известной артистки хоть и не избавляло от напряженнейшего труда в условиях многолетнего стресса, но позволяло иногда не выполнять некоторые указания по многим поводам, где требовалось массовое «одобрямс!». Иногда можно было не участвовать в разнообразных, но зачастую формальных идеологических мероприятиях воспитательного и «патриотического» толка. Помню технологию, выработанную нашим многолетним проректором Актоты Раимкуловой; желая защитить наш коллектив от массовых акций, она посылала одного-двух преподавателей и студентов вместо двухсот-трехсот. На вопрос: «Консерватория?!» они бодро отвечали «Здесь!» и тем самым спасали остальных от многочасового ожидания неизвестно чего и прочих бессмысленных «сидений и стояний». Зная, что наш творческий «люди», что молодой что зрелый, в принципе не воспринимает слова и лозунги; зная, что практически любую информацию, даже очень важную и полезную, пропускают мимо ушей, я старалась, чтобы их время тратилось более эффективно, то есть творчески насыщено.

Я всегда считала и продолжаю считать: наши – элита; им место на сцене или в классе с учеником. Не думаю, что они что-то важное потеряли; но зато неизмеримо больше получили от нашего ведомственного административного эгоизма! Мы

были заняты своими профессиональными задачами, и тогда можно было видеть, как возрастает у всех коллег чувство собственного достоинства, сколько радости и удовлетворения они получают от успехов своих учеников или собственных научных и творческих достижений!

Мне кажется, нам удалось создать атмосферу заинтересованности в результатах не за счет обострения конкуренции или крупного материального вознаграждения, которых в нашей среде не было, но только за счет энтузиазма, всеобщего воодушевления и настоящей командной работы. Мы объединялись в совместных проектах с молодежью, у нас стиралась дистанция «педагог-ментор и начинающий студент»; мы были счастливы работать на общий результат и творить наше общее будущее. В этом процессе на практике, в живом деле косвенно применялись самые новейшие образовательные технологии – мы это поняли уже позднее, когда пытались проанализировать свои достижения...

Окончание следует.

В мае 2019 года отмечают:

80-летие

Али ЫСКАКБАЙ, *поэт*

70-летие

Оттепберген АЛИМГЕРЕЕВ, *прозаик*

Макулбек РЫСДАУЛЕТ, *прозаик*

60-летие

Жукель КАМАЙУЛЫ, *поэт*

В июне 2019 года отмечают:

70-летие

Сарсенбек БЕКМУРАТУЛЫ, *поэт*

Ханбиби ЕСЕНКАРАКЫЗЫ, *поэт*

Какен КАМЗИН, *прозаик*

60-летие

Фархад ТАМЕНДАРОВ, *прозаик*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

